

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ОЛЬГА ГРОМЫКО,
АНДРЕЙ УЛАНОВ

ПЛЮС
НА МИНУС

Ольга Громыко

Плюс на минус

«Автор»

«Автор»

2007

Громыко О. Н.

Плюс на минус / О. Н. Громыко — «Автор», «Автор», 2007

ISBN 978-5-9922-0132-1

Она – самый обычный инспектор Государственной охраны нежити, привлекательная блондинка, минчанка с ч/ю и без в/п. Он – самый обычный бывший студент истфака, привыкший смотреть на мир поверх автоматного прицела и доверяющий только гранате в кармане. И он и она уверены, что знают о жизни ВСЕ. Проверим?

ISBN 978-5-9922-0132-1

© Громыко О. Н., 2007

© Автор, 2007

© Автор, 2007

Содержание

Раз	5
Глава 1	7
Глава 2	29
Глава 3	39
Глава 4	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ольга Громыко, Андрей Уланов

Плюс на минус

Все описанные в книге события, места, названия учреждений и действующие лица вымышлены или изменены, все совпадения случайны. За упомянутые в тексте торговые марки мы ни от кого ничего не получили, но, если будут давать, – возьмем!

Старательно благодарю:

Бориса Седова за «мягкое напоминание» некоторых особенностей ручных гранат; Александра Москальца за все-все-все и некоторых участников ВИФ2не за «обработку напильником» вертолета Ми-8. А самая огромная благодарность, разумеется, моему замечательному соавтору Ольге Громыко! Это было незабываемо!

Андрей Уланов

Благословенны будьте, нижеупомянутые:

Яна Бойченко, Марина Гилева и Анна Полянская – за вычитку и замечания; Надежда Бобкова – за ценные медицинские консультации; капитан милиции Андрей Филлипюк – за почти нераскрытие служебной информации; J: морс – за песню «Не умирай!».

А ты, соавтор, выпей яду!

Ольга Громыко

Сцеживай – выпью!

Андрей Уланов

Раз

Рыжий город, теплый вечер.
Солнце трогает за плечи.
Тихо шепчет листопад.
Я иду тебе навстречу.
Я всю жизнь мечтал, что встречу
Этот ясный синий взгляд.

Мы с тобой – две половинки
Богом порванной картинки –
То ли в шутку, то ль со зла.
Но сошлись на миг тропинки,
И удача без заминки
Нас лицом к лицу свела.

Улыбнешься – я отвечу.
За мгновенье – и на вечность –
Мы б друг друга обрели...
...Мы с тобою шли навстречу.
Мы так ждали этой встречи...

Не узнали – и прошли.

Глава 1

Я не феминистка. Просто до сих пор мне попадались исключительно идиоты.

Л.

Пуля может и мимо просвистеть, а измена – всегда точно в сердце.

С.

#

Бывший подкараулил меня у подъезда, серым волком выскочив из зарослей жухлой сентябрьской сирени.

– Леночка!

Я впервые пожалела, что в моей замшевой сумочке уместаются только кошелек, косметичка и два удостоверения, а не кирпич на три кило. Как приложила бы с размаху – только ноги бы из кустов торчать и остались!

– Милая, нам надо обязательно поговорить!

– Я тебя внимательно слушаю, – ледяным тоном заверила я, набирая код на подъездном замке. Дверь одобрительно запиликала и открылась. Бывший сделал робкую попытку подхватить меня под локоть, но я брезгливо дернула плечом и начала быстро подниматься по лестнице.

– Дорогая, ну нельзя же так... – плаксиво начал Вадим, семена следом. – Ты мне даже ничего объяснить не дала – наорала, вещи с балкона выкинула, и вообще...

– Как это не дала? – делано изумилась я. – Ты же успел пролепетать: «Ой, а мы тебя не ждали...» Это прекрасно все объяснило!

– Леночка, ты меня неправильно поняла! – завел старую пластинку бывший. – Подслушивать под дверью неинформативно, мало ли о ком могла идти речь!

– Вадим, – устало перебила я, остановившись на площадке третьего этажа, – ведро с шампанским и обнаженную девицу на моем любимом диване я бы тебе еще простила. Но двое пьянчуг, три бутылки водки и вобла, чешую от которой я до сих пор выметаю из всех углов, – это уже перебор. Вас даже подслушивать не надо было, я минут пять в дверях стояла, а ты все языком своим поганым трепал, как ты «круто устроился». И вообще – думаешь, одному тебе нужна «нехило зашибающая дурында с квартирой, машиной и минской пропиской»?

– Леночка, я был пьян и даже не помню, что нес! К тому же я знаю, что у тебя сейчас никого нет, – опрометчиво выложил Вадим свой главный козырь, – так почему бы не начать все сначала?

– Со склеротичным алкоголиком?

– Зайка, это было в первый и последний раз!

– Вот именно, – подтвердила я, отпирая дверь. – Потому что больше мы не увидимся!

Вадим наконец понял, что золотая рыбка не собирается по второму кругу чинить ему корыто, и пошел ва-банк: заключил меня в объятия и вломился в квартиру. Похоже, он собирался опрокинуть меня на диван и покрыть слюнявыми, то есть страстными, поцелуями, надеясь оживить угасшие чувства (тоже мне, некромант нашелся!), но, увы: среди подушек уже возлежал мускулистый пепельноволосый мужчина с чертовски красивой и еще более самоуверенной физиономией.

– Ну?! – лениво поинтересовался он.

Таким тоном мог бы протянуть «Му?!» племенной бык фермера, на чье поле случайно забрел колхозный бычок-задохлик.

– Вадим, это Федя, – мстительно сказала я. – Федя, это Вадим. Давай ты просто выкинешь его с балкона, а то у соседки за стенкой маленький ребенок спит?

– Как скажешь, крошка, – на удивление интеллигентным голосом согласился «качок» и начал вставать – нет, воздвигаться над диваном всеми бицепсами, трицепсами и прочей мышечной массой.

Вадим позевал отпавшей челюстью, попятился и, спотыкаясь, вылетел из квартиры, хлопнув дверью, чтобы дать себе пять секунд форы, пока конкурент будет ее открывать (или, скорее, выбивать с разбегу).

Я убедилась, что замок защелкнулся, и накинула еще и цепочку.

– А я тебе сразу говорил: он брачный аферист, – нравоучительно заметил «качок», укладываясь обратно.

– Федь, ну не надо, а? – Я бросила сумочку в угол под вешалкой, рядом с туфлями, на ходу стянула куртку и выпуталась из мини-юбки. – Ты мой халат не видел?

– На стиральной машине, – с легким неодобрением сообщил мужчина и, когда я уже дошла до ванной, мстительно добавил: – Валялся. Я его в шкаф повесил.

Чертыхнувшись, я пошла обратно.

В квартире умопомрачительно вкусно и возмутительно калорийно пахло едой. Я, не удержавшись, в обход ванной наведалься на кухню. За нереально-чистой дверцей духовки (как будто газ там вообще никогда не зажигали) просматривался жареный гусь, на столе стояли глубокая миска с овощным салатом и стакан свежвыжатого яблочного сока.

– Федь, спасибо! – крикнула я в приоткрытую дверь.

– Спасибом сыт не будешь, – ворчливым, но довольным голосом откликнулся красавчик.

Я открыла холодильник, зубами отодрала уголок у пакета со сметаной и честно, «с верхом», наполнила стоящую у порога мисочку.

«Бычара» испарился, оставив после себя сизый клуб не то дыма, не то шерсти, который шустро подкатился к миске и уткнулся в нее остренькой, напоминающей ежину мордочкой. Сливки Федька любил больше, но и со сметаной состоял в очень теплых отношениях.

Интересно, почему домовые сами не могут полакомиться хозяйским добром – только если их угощают, причем от чистого сердца?

Переодевшись в любимый клетчатый халатик (немножко рваный, но критиков в семейных трусах тут, слава богу, уже нет!), я блаженно развалилась в кресле напротив телевизора, расставив на подлокотниках тарелки с яствами (называть их едой было кощунством). Федька вспрыгнул ко мне на колени и разлегся там уже в виде серого, лохматого и почти невесомого кота с шикарными белыми усищами.

– Забудь, – сыто промурлыкал он, подставляя мне щеку. – Найдем тебе др-р-ругого, получше!

Я почесала его за ухом, под подбородком. Урчание стало громче и басистей: «Хор-р-рошего, кр-р-расивого...»

– Мор-р-рдатого, – передразнила я. – Да ну их всех, Федька! Давай лучше какую-нибудь фантастику по видику посмотрим, посмеемся...

– Кстати, тебе Серафим звонил, – огорошил меня домовый. – Всего полчаса назад.

– Чего хотел? – осторожно поинтересовалась я.

Ответить Федька не успел – телефон снова запиликал.

– Аллю?

– Это квартира Коробковой Елены Викторовны? – официально прорычала трубка.

– Вы не туда попали, – обреченно соврала я.

– Леночка, как тебе не стыдно обманывать начальство! – Голос Серафима Петровича загремел, кажется, из обеих мембран. – Я же тебя сразу узнал! Ты почему мобилку не берешь?

Потому что нарочно дома ее оставила, чтобы никто меня достать не мог.

– А если узнали – зачем спрашивали?

Шеф предпочел проигнорировать провокационный вопрос.

– Елена Викторовна, я хочу вас видеть!

Я злобно воткнула вилку обратно в гусиную ногу.

– Возьмите в третьем слева ящике мое личное дело. Там на первой странице большая цветная фотография.

– Леночка, не дури. Приезжай на работу.

– Но я же с нее только что вернулась! – возмутилась я. – Отчет у вас на столе, ведомость в бухгалтерии, кофе может сварить и Софья Павловна.

– Она сегодня пораньше отпросилась, – машинально возразил шеф. Пожилая секретарша обычно сидела в учреждении до последнего, каковым неизменно оказывался Серафим Петрович. – Стоп, стоп, не морочь мне голову! Какой кофе?! Леночка, у меня к тебе дело. Важное и серьезное.

– Ну? – Мало того, что на субботнее дежурство уговорили, так еще норовят вместо сокращенного дня удлиненный подсунуть!

– Я же сказал: важное, – многозначительно повторил шеф. – Надо поговорить с глазу на глаз.

– А может, все-таки с уха на ухо? – взмолилась я. – У меня тут стиральная машина работает, суп варится (наглая ложь, я терпеть не могу готовить; если бы не Федька, так бы на одних сосисках и сидела. В грязных джинсах)... И вообще, у меня сейчас ПМС, меня нельзя трогать!

Шеф замолчал, посопел и неуверенно (видно, слышал что-то такое от жены) поинтересовался:

– Это как?

– Паршивое Мужененавистническое Состояние! – Я щелкнула пультом, выключая телевизор. И так уже ясно, что придется ехать. Только и остается поворчать для самоутверждения.

– Леночка, – голос шефа стал вкрадчив и тих, что удивительным образом прибавило ему если не обаяния, то убедительности, – если через полча... нет, через двадцать минут ты не будешь у меня в кабинете, то твой ПМС будет расшифровываться иначе!

– Это как? – помимо воли заинтересовалась я.

– Последствия Мучительной Смерти! Живо!!!

#

Я ждал ее у подъезда.

«Я ухожу, – сказал парнишка ей сквозь грусть, –
Но ненадолго, ты жди меня, и я вернусь.

Эту песню часто играл Коля-контрактник из Забайкалья.

Он, как и ты, свою девчонку провожал,
Дарил цветы и на гитаре ей играл.

Чипсы кончились уж полчаса как. Наверное. Я покупал их в киоске – сто метров до угла дома и сразу за ним. Дощатая будка, где на одной стене в правом нижнем углу среди прочих «математических формул» из икс, игрек и йот наличествовало также одно коряво вырезан-

ное уравнение: «С» плюс «Л» равно «груша на палочке». «С» означало Саня, «Л» – Люба, ну а груша по замыслу художника должна была являть сердце, пронзенное стрелой.

Надпись по-прежнему имелась – за два года киоск так и не удосужились подкрасить. И Саня был... как-то сумев не заполучить в сердце свинцовый подарок... и Люба была... только вот с любовью вышла осечка. Или, говоря иначе, сдохла любовь. Как дешевая батарейка. Видимо, такая же хреновая была...

Ну и плевать. Главное – водка в бутылке пока еще оставалась. И песня... что рефреном звучала в ушах без всякого плеера.

Песня... Коля говорил, что ей уже больше тридцати лет...

Развеет ветер над Даманским сизый дым.
Девчонка та давно встречается с другим.
Девчонка та, что обещала: «Подожду...»

Темно-красный «бумер» остановился точно напротив подъезда. Дверца открылась не сразу – ну как же, поцелуй на прощанье – эт почти святое. Лишь полминуты спустя мимо меня процокали каблучки.

Разумеется, она и не подумала взглянуть чуть повнимательнее в разлегшегося на траве алкаша в мятой камуфле. Больно надо...

Зато я смотрел – как она напоследок оборачивается, машет тому, в машине, и наконец исчезает за глухо лязгнувшей дверью. Потом неторопливо встал, подхватил бутылку, покачиваясь, обошел «бумер» спереди. Наклонился к щели между стеклом и крышей, из которой поднималась тонкая сизая полоска дыма, и старательно дыхнул. Увы – сидевший за рулем бугай не полыхнул синим спиртовым пламенем, а всего лишь брезгливо скривился. И чего, спрашивается? Ведь я не какую-то там бормотуху пил, а вполне себе «Кристалл»...

– Чё надо?!

– Братан... угости сигареткой, а!

«Братан» перекинулся еще больше, однако все же опустил стекло и протянул мне даже не пачку, а – ух ты! – раскрытый портсигар.

– О, спасибо! – Я попытался сграбастать сразу три сигареты, но промахнулся и цапнул всего две, после чего сделал два шага назад, под фонарь, и, поднеся ладонь поближе, принялся внимательно разглядывать трофеи. Тонкие, светло-коричневые, с золотым ободком... да уж, это вам не «Прима». Небось, «Данхилл» какой-нибудь. Наверняка дорогие как сволочи, рассеянно подумал я, а затем уронил сигаретины и старательно растер их каблуком по асфальту.

– Эй, ты чё?!

Вне машины «братан» выглядел еще бугаистее – на полголовы выше меня, на полплеча шире, а видневшейся в складках шеи золотой цепью можно было бы слона к конуре приковать.

– Х... делаешь?!

– Так я эта... не курю, – соврал я, смахивая жухлый лист с рукава насквозь провонявшей табаком камуфляжки.

– Чё-о-о?! – От удивления у «братана» вывалилась изо рта его собственная недокуренная сигарета. – А х... просил?

– Просто так, – ухмыльнулся я.

– Ну б... ты чё, больной?!

– Ага. Контуженный. Могу справку из госпиталя показать.

– А справку про инвалидность не хошь зара...

И в этот момент нашу так увлекательно складывающуюся беседу прервало мерзкое пиликанье. Раздавалось оно из моего кармана – теткин, блин, подарочек, еще вчера хотел о стену раскокать, да так и забыл.

– Обожди! – буркнул я, пытаюсь выудить чертов мобильник из-под заполнившего карман хлама. Получалось неважно, так что пришлось вначале доставать все, что лежало сверху, а затем и телефон. – Контроль на связи!

– Александр, ты где шляешься?! – Голос в трубке прямо-таки кипел праведным возмущением, так что я на всякий случай отодвинул телефон подальше от уха: ну его, техника нынче продвинутая, вдруг и в самом деле обожжет.

– Почему «шляюсь»? Тут я.

– Тут? Где еще «тут»? Ты что делаешь?!

– Стою, – сообщил я и, чуть подумав, добавил: – Здесь. Эй, ты куда?!

Последняя фраза предназначалась «братану», который с неожиданным для его габаритов проворством нырнул в машину, и, прежде чем до конца захлопнулась дверца, «бумер», яростно газанув, сорвался с места.

В первый момент я даже и не сообразил, чем вызвана эта стремительная ретирада.

– Александр!

– Это я не вам, тетя Маш, – сказал я. – Это тут... был... один.

И снова привычно подкинул вверх ребристую округлую штуковину – ту самую, мешавшую мне вытащить мобильник... Ручная, оборонительная... в общем, самая абнакновенная, как говорится, граната.

– Лови такси, и чтоб через десять минут стоял перед кабинетом Серафим Петровича! – неожиданно спокойно приказала трубка. – Понял?

– Так точно, – браво отрапортовал я. – Только, тетя Маш, на такси я за десять минут не доеду. Разрешите борт вызывать...

– Какой еще борт? – непонимающе переспросил телефон.

– Ну вертолет, – пояснил я. – «Ми-двадцатьчетверку». А то время позднее, пробки...

– Александр! – В голосе тетки явственно прозвучал испуг, плавно переходящий в ужас, будто я собрался не подлететь к офису Серафим Петровича на манер волшебника из песенки, а вызвать на вышеуказанный адрес бомбово-штурмовой удар. – Твои шуточки... Хватай такси и чтоб через десять, нет, уже девять, минут был на месте!

И отключилась, не дав мне сказать, что я, вообще-то, ничуть не шутил.

Ну и ладно.

В кабинет Серафим Петровича я вошел – без стука, если не считать таковым грохот каблучков об пол, – не через девять и не через десять, а через двадцать одну минуту. Промаршировал на середину комнаты, развернулся к столу, рывкнул – так, что у самого едва уши не заложило: «Сержант Топляков для прохождения службы ПРИБЫЛ!!!» – и замер, с вождением косясь на массивное кожаное кресло для посетителей. Упасть бы в него да ноги вытянуть...

– О-очень хорошо, – озадаченно пробормотало мое будущее командование. – Ты вот что... подожди чуть-чуть в коридоре, хорошо? Я тебя позову.

Ну и на фига, спрашивается, нужно было спешить?

– СЛУШАЮСЬ!!! – В этот раз получилось еще лучше. Не только оконные стекла, но и вода в аквариуме вздрогнула.

– РАЗРЕШИТЕ ИДТИ?!

– И-иди-иди...

В коридоре, разумеется, шикарных кресел не было и в помине – лишь в углу возле входа жалобно притулилась к стене тройка откидных деревянных сидений, помнящих, судя по виду, еще советские времена. Осторожно – а ну как раритет возьмет да и развалится на отдельные досочки – я примостился на одном из них, закрыл глаза, вытянул ноги... и об них тут же кто-то споткнулся!

– Смотри, куда копыта ставишь!

– Смотри, куда копыта тянешь!

«Кто-то» на поверку оказался встрепанной теткой лет эдак... нет, пожалуй, все-таки девицей... лет эдак неопределенно двадцати с небольшим.

– Фу-у-у-ты... ну и запашок... – брезгливо прищурилась она. – Хоть бы зажевал чем...

Вместо ответа я медленно прошелся по ней взглядом сверху вниз, остановился в районе «ниже мини-юбки» и старательно заулыбался.

– Чего уставился?!

– У тебя ноги волосатые.

– Что-о-о-о? – Девица вылупилась на меня, как морской окунь в витрине гастронома. – Да я... да ты...

– Елена Викторовна! – прокашлялся динамик над входом в начальственный кабинет. – Заходите, пожалуйста.

Жаль, жаль. Такой приятный скандал наклевывался.

– Ну погоди, я сейчас охрану вызову, и она тебя в окошко выкинет! – пиная дверь, злое еще пообещала девица.

– Ты первая вылетишь! – буркнул я и закрыл глаза.

#

– Серафим Петрович! – трагическим шепотом возопила я с порога. – У вас там сидит какое-то чмо...

– А, так вы уже познакомились? – просиял шеф.

– С кем? – насторожилась я.

– Ну как же? Это Саня, твой новый напарник!

Видимо, в цвете моего лица произошли некие пугающие изменения, ибо шеф с несвойственной ему галантностью выскочил из-за стола, подхватил меня под руку и препроводил к стулу.

– Леночка! – умоляюще зашептал он, так косясь на дверь, словно та представляла собой одно огромное ухо. – Выручай! Это Машин племянник, месяц как из Чечни, после контузии...

Марья Сергеевна была второй женой Серафима Павловича, согласившейся на его руку, сердце и язву желудка уже в бальзаковском возрасте. Нового мужа и детей от первого брака она строила как заправский прапорщик, что, впрочем, шло им только на пользу: шеф перестал носить кошмарные клетчатые пиджаки, курить дешевые папиросы и питаться химически чистой растворимой лапшой. Правда, немного полысел.

– Заметно, – без энтузиазма подтвердила я, хлебнув услужливо поданной водички.

– Видишь ли, у парня сейчас жизненный кризис, депрессия...

– Вижу. – Пьяное хамло в приемной вызывало у меня исключительно братоубийственные чувства.

– Надо помочь ему адаптироваться к нормальной жизни, нормальным людям...

Я уставилась на шефа, как баран на Бранденбургские ворота.

– Серафим Петрович, да я сама понятия не имею, что это такое! Пусть на завод какой-нибудь адаптируется или к фирмачам, запчастями торговать...

– Так сопьется же за считанные месяцы! – горестно вздохнул начальник. – Девушки у него нет, боевые друзья, кто уцелел, в России остались, а до службы душевных приятелей и не было. Марки не собирает, в походы не ходит, спортом не увлекается. На что ему зарплату тратить? Только водка и остается!

– Пусть книгу напишет, это сейчас модно.

– Леночка! – С отчаяния начальник прибег к недозволенному, но неизменно эффективному приему, и в его голосе зазвенела сталь. – Ты меня знаешь!

– Знаю, – хмуро подтвердила я. – В гневе вы смешны, тьфу, страшны.

- Никакой премии!
- Ага.
- И сверхурочных!
- Ага.
- И вообще, я тебя... того... – Начальник кашлянул и потупился.
- Ой, неужели?! – фальшиво восхитилась я.
- Уволю! – выдавил-таки затравленный шеф. М-да, если уж до этого дошло, дела и впрямь плохи, надо идти на попятный.
- А вдруг ему у нас не понравится? – сменила я тему.
- Так постарайся, чтобы понравилось! – воспрянул духом начальник. – В конце концов, ты не глазированные сырки фасуешь, есть чем парня заинтересовать!
- Ага, подсчет поголовья упырей на квадратный километр пригородной лесополосы с точностью до ноль целых семь десятых – безумно увлекательное занятие!
- Зато оригинальное! – оживленно подхватил Серафим Петрович. – Самое то, чтобы отвлечься от серой реальности и понять, что жизнь – это не только война и водка!
- Ой, а в ней есть что-то еще?!
- Да что с тобой сегодня? – изумился шеф. – Ты же у нас всегда была такой веселой, милой, отзывчивой и... Леночка! Куда ты смотришь? Ноги свои разглядываешь, что ли?
- Вот еще! – Я поспешно отвела взгляд от зеркального шкафа за спиной шефа. Неправда, сквозь колготки ничего не видно! – И не надо мне льстить, я от этого только еще больше зверею. Такое ощущение, будто вы меня дурочкой считаете.
- Что ты, что ты! – неискренне открестился начальник, торопливо роясь в стопке бумаг. – Ну походи с ним на объекты недельку-другую, тебе что, сложно? А там Павлик из отпуска вернется, может, Саня к нему уйдет... в смысле, в напарники! Тут как раз подходящее дельце наклюнулось, простенькое, про русалочек...
- Серафим Петрович, это начальственный произвол! Да, мне сложно! Он же в хлам бу... нетрезвый! Куда его сейчас тащить?!
- Ну выпил немного, с кем не бывает. Ничего, на свежем воздухе быстро оклема-ется. – Шеф, больше не слушая возражений, всучил мне стандартную папочку-скоросшиватель. Сквозь прозрачное окошко сиротливо просвечивала единственная бумажка: рукописное заявление с резолюцией «Разобраться». К тому моменту как папка уйдет в канцелярию, застешки будут едва сходиться от распирающей ее макулатуры: протоколов, отчетов, договоров и счетов-фактур. – Иди, позови его!
- Не знаю, кем там Серафим Петрович меня в действительности считал, но чувствовала я себя законченной блондинкой. Ну почему у меня никогда не хватает духу стукнуть по столу, развернуться и уйти?! У меня, между прочим, высшее экономическое образование, а я в этой дыре на полторы копеечные ставки торчу! Как пробка в унитаза бачке...
- Приоткрыв дверь, я боязливо выглянула в приемную. Мужик... Са-а-а-аня, тьфу... сидел в том же кресле, по-прежнему вытянув ноги во всю немалую длину и скрестив руки на груди. Из новенького добавились опущенная на грудь голова и легкий храп. Запах перегара волнами бился в оконные стекла. В десятиметровой комнате ему было откровенно тесно.
- Я потопталась на месте. Кашлянула. Никакого эффекта.
- Умоляюще оглянулась на Серафима Петровича, но тот, воспользовавшись паузой, уже увлеченно спорил с кем-то по мобильному.
- Стиснув зубы, я поскребла по сусекам с решимостью и брезгливо потыкала в «напарника» пальцем.
- Мужик тут же открыл красные не то с недосыпа, не то с перепоя глаза и уставился на меня таким недобрый, звериным взглядом, что я попятилась, споткнулась о порог и чуть не упала.
- По небритому лицу с впалыми щеками медленно растеклась паскудная ухмылка.

– Что? – хрипло поинтересовался он. – Уже соскучилась?

«Психушка по тебе соскучилась», – мрачно подумала я, внимательнее приглядываясь к «напарнику». Похоже, жертва войны и алкоголя считала, что если тряпка пестрая сама по себе, то второй слой пятен будет незаметен. К тому же он, кажется, в этой камуфляжке и спал, причем на лавочке в парке. И волосы у него были грязные. Короткие, черные и сальные.

Мягко говоря, не мой типаж.

Жестко: если бы я его ночью в пустынном переулке встретила – так бы на шпильках драпанула, что в кроссовках бы не догнали.

– Так вы... э-э-э... Саня? Очень приятно познакомиться, – сказала я, соорудив исключительно лошадиную улыбку. Нарочно отрабатываю ее перед зеркалом, дабы предъявлять неприятным типам.

– Ыгы. – Мужик откашлялся и смачно харкнул под корень любимому софьепавловскому фикусу. Тоже, видать, не один час тренировался.

У меня так и зачесались руки двинуть ему в правый глаз для симметрии – под левым синяк уже имелся.

– Вот и отлично, – бодренько сказал Серафим Петрович, делая вид, что не замечает наших трогательно-солидарных взглядов. – Леночка, мы сейчас с Саней немножко побеседуем, по-родственному, а ты его уже на практике в курс дела введешь, ладно?

«Черта с два, вот только дверь за вами закроется – драпану отсюда без оглядки, к гусю и Федьке!»

Дверь закрылась. Я мрачно плюхнулась в освободившееся кресло. Подумала и тоже вытянула ноги.

#

– Ты что себе позволяешь, а?!

Наверное, Серафим Петрович искренне полагал, что выглядит сейчас... ну, почти страшно. Внутренне.

Будь на его месте чич с автоматом, я б, может, и подумал – пугаться мне или нет. А так...

Вдобавок зверски хотелось спать.

– Позволяю?! – нарочито тупо переспросил я. – Где?!

– Не где, а что!

Я икнул.

– Умывальник у вас где?

В ответе я почти не сомневался, бил наверняка. Вряд ли искусно закамуфлированная под стену дверь справа от шкафа вела в хранилище секретных документов или подпольный игорный притон. Особенно с учетом поступившей из достоверных – от тетки! – источников развединформации о наличии у Серафим Петровича неладов с кишечником.

Впрочем, ответ ответом, но пока что и вопрос застал моего будущего шефа врасплох.

– Умывальник... – озадаченно повторил он. – А-а... зачем тебе?

В последний момент я сумел поймать за хвост уже готовую слететь с языка фразу: «А чтоб в него, а не на ковер блевануть!» и, скромно потупившись, почти что нормальным тоном произнес: – Чтобы умыться.

– Ну хорошо.

Я не разглядел, что именно нажал или повернул у себя в столе мой будущий командир – поименовать мужа тети Маши, как полагается, дядей язык у меня не поворачивался даже мысленно. Но произведенный эффект был в точности такой, как в культовой советской комедии, – под мелодичное дзиньканье дверца распахнулась настежь, явив миру ослепительное сияние хорошо выдраенного санузла.

– Только быстро.

Ага, щас.

Мыть голову в умывальнике – дело неблагодарное. Если, конечно, это не специальная шутовина с вырезом из парикмахерской... и прилагающейся к ней молоденькой симпатичной парикмахершей. Впрочем, сошло и так – по крайней мере, пять минут спустя отразившееся в зеркале лицо понравилось мне куда больше, чем допомывочная харя.

– Ну так уже лучше, – подтвердил мои наблюдения Серафим Петрович. – Хоть на чело- века стал похож, а то, прости господи, форменным упырем глядел. Если б еще переоделся...

– Так сойдет, – буркнул я, падая в кресло и принимаясь рыться в кармане.

– Мои возьми. – Сигаретная пачка с неожиданно противным скрипом скользнула вдоль стола. – А то еще и кабинет провоняешь своей гадостью, как позавчера кухню...

– Так уж и провонял, – усмехнулся я. С точки зрения тетки, «Давыдофф-лайтс» Серафим Петровича был ничем не лучше моего «Честерфилда». Другое дело, если скурить полпачки за час... но позавчера меня опять начало *трясти*...

– С комендантом общежития уже созвонились, – почему-то во множественном числе сообщил теткин муж, хотя у меня не было и тени сомнения в том, что звонил он сам. – Вот ордер... к нему напишешь заявление и получишь комнату... – Недовысказанное «и нако- нец-то свалишь из моей квартиры» дымным клубом повисло в воздухе.

– Что, неужто я вас так уж допек? Вроде бы и старался пореже на глаза попадаться...

– Да уж... – пробурчал Серафим Петрович. – Два дня бродишь неизвестно где, на тре- тий являешься... а Маша все это время печенку мне поедом грызет: «Ах, куда там Саня мой запропал опять, ах, не приключилось ли с ним чего...»

– Поздновато спохватилась...

Упрек на самом деле был несправедлив – я сам не писал тетке о своем настоящем месте службы, почти все два года успешно пудря мозги байками о «точке» посреди Забай- калья, – благо в рассказах Коли-контрактника экзотических подробностей могло бы хватить не на полтора коротеньких письма в месяц, а на полноценный роман. Может, правда бы и вовсе не открылась – не приди в башку какой-то дуре из полевого госпиталя идея выслать извещение «ближайшему родственнику».

– Александр! – начал Серафим Петрович, приподымаясь над столом. Должно быть, про- чих его верноподданных, типа давешней Леночки, подобный начальственный рык заставлял вытягиваться по стойке «смирно» и преданно жевать отца-командира выпущенными на пол- лица глазищами. Но поскольку я по-прежнему сидел в кресле и уделял большую часть внима- ния сигаретине, грозный босс поник, опал и куда менее начальственно промямлил: – В конце концов, ты сам создаешь себе уйму проблем.

– Опять? – сморщился я. – Серафим Петрович, ну, хоть вы эту песню не начинайте. «Ах, если бы ты не вылетел с третьего курса, ах, если бы ты хотя бы взял белорусское граж- данство!» Надоело, б...! Вот здесь уже, – я резко ткнул ребром ладони под подбородок, – эти причитания! В чем я еще виноват, а?! Не скажете?! Что у отцовской «Волги» тормоза в *тот* день не проверил?!

– Ну зачем же так...

В последний миг я все же сдержался и бросил окуроч в пепельницу, пощадив сверкаю- щую лакировку стола.

– Затем... затем, что ничего не просил. Ни тогда, в семнадцать, ни сейчас. И если б тетя Маша сказала: а вали-ка ты, племянш, на все четыре...

– Ты прекрасно знаешь, что Маша так сказать не могла. Она действительно заботится о тебе, Александр, и...

– И никак не может взять в толк, что я о себе могу теперь и сам позаботиться!

– Потому что по тебе это не очень-то заметно!

Очередной – пятый или шестой за последние две недели – разговор на повышенных тонах, едва начавшись, уже изрядно мне наскучил. Тем более что было совершенно ясно: во-первых, никаких новых аргументов не прозвучит, а во-вторых, ни хрена мы друг друга не понимаем. И даже не пытаемся, что характерно, – не хотим.

Потому что лично мне глубоко по... барабану проблемы в частности и мировоззрение в общем конторского сидельца по гос-чего-то-там-охране... К слову, только сейчас я запоздало сообразил, что даже не удосужился запомнить название своей новой работы, не говоря уж о том, чтобы выяснить: а чем, собственно, мне предстоит на ней заниматься.

А понять меня Серафим Петрович попросту не сможет. Он-то не вглядывался до рези в глазах в темень леса... сквозь амбразуру блокпоста. Не привык смотреть под ноги, ожидая растяжку...

...не видел, что делает с человеком удачный выстрел «шмеля»...

...и не пытался зажать разорванную осколком артерию, чувствуя, как с каждой секундой из-под твоих пальцев утекает жизнь лучшего друга.

И слава богу, что не сможет. Таких, как я, должно быть как можно меньше! Вернее, таких, как я, быть вообще не должно!

– Короче. – Я потянулся за еще одной сигаретой. – Чего мне сейчас делать? Ехать с этой... Леночкой?

– Еленой Викторовной! – строго произнес Серафим Петрович. – Для тебя она – Елена Викторовна!

#

Я еле успела поджечь ноги, как дверь распахнулась. Звукоизоляция у нее была отличная: ни голосов, ни шагов я не слышала, а крЮчиться у замочной скважины посчитала ниже своего достоинства.

Саня заметно посвежел – в прямом смысле слова. С мокрых волос капало на плечи, как будто Серафим Петрович хорошенько помакал его головой в унитаз (по крайней мере, мне было приятно так думать). Запах, правда, никуда не делся.

– Что ж, Елена Викторовна, – преувеличенно бодро сказал шеф, – принимай молодого бойца под свое командование. Обижать не смей, но и спуску не давай!

Саню перекосило. Серафим понял, что шутка не удалась, и, не дожидаясь, пока «родственничек» выкинет что-нибудь еще, захлопнул дверь кабинета, как устрица раковину.

«Боец» с кривой гримасой показал ей средний палец.

Я подобралась, готовясь к очередной перепалке, но, к моему огромному облегчению, пальцем Санин протест и ограничился.

– Ну пошли, – буркнул он, разворачиваясь к выходу. И с непонятной мне мстительностью добавил: – Леночка.

Если ты думаешь, что я в ответ стану называть тебя «Санечкой»... Я повторила его жест ему же в спину.

Мой вишневый «Фольксваген-гольф» сиротливо стоял прямо у крыльца: все нормальные сотрудники давно разъехались по домам, а Серафим Петрович жил в десяти минутах ходьбы и заводить машину «для престижа» не желал. Если шефу требовалось срочно куда-то съездить, он вызывал «Волгу» из гаража головного учреждения, Госнежконтроля.

Приветственно пикнув «гольфiku» брелком, я уселась за руль. Обожаю свою машинку: маленькая, удобная, послушная, и – главное! – меня в ней совершенно не укачивает, в то время как из шикарной «мицубиси» подруги уже через пять минут хочется выпрыгнуть прямо на ходу.

Саня открыл вторую дверцу с видом осетра, которого пытаются упихать в баночку для шпрот. Пришлось откатить кресло до упора, чтобы пассажир не упирался коленями в бардачок или подбородок.

Устроившись, напарник снова скрестил руки на груди и отвернулся к окну. Ну и слава богу, я тоже не горела желанием с ним общаться. Серафим Петрович уже пару раз навязывал мне стажеров; не сказать, чтобы я была от этого в восторге (им что ни поручи – почти все самой переделывать приходится, одна морока), но они хотя бы были вменяемыми! Называли Еленой Викторовной, смотрели как на гуру, жадно ловя каждое слово. И за шоколадкой в ларек их можно было запросто отправить...

Саня как-то подозрительно рыгнул. Хотя бы его не стошнило прямо в салоне. Я поскорее покрутила ручку, опуская боковое стекло.

– А куда мы едем? – равнодушно поинтересовался «напарник» уже на площади Победы, куда я вырулила автоматически, по направлению к своему дому.

Хороший вопрос. Не будь я так взбудоражена, вначале бы изучила документы. На худой конец, попросила стажера – нормального стажера! – зачитать мне их вслух.

Я представила, как Саня по складам озвучивает заявление хриплым испитым голосом, через слово перемежая рвущимися с языка «неопределенными артиклями», и резко тормознула машину возле автобусной остановки. Вытащила из папки заявление, глянула на «шапку»...

– Блин!

Саня впервые покосился на меня с интересом.

«Русалочки»! Я-то думала, шеф нас на Комсомольское озеро отправил, ну, в худшем случае на Цнянку. Нет, извольте тащиться на Минское море, огромное водохранилище за кольцевой дорогой!

Я мысленно досчитала до пятнадцати, борясь с желанием уткнуться лбом в руль и застонать. Это же полчаса до берега, а потом столько же трястись по ухабам объездной до условного места! Обратно уже по темноте придется. Целый час... ночью... с этим... лучше я прямо там и утоплюсь!

Ну Серафим!!! Я резко газанула и крутанула руль вбок, посылая машину через двойную разделительную линию. Все равно площадь пустая, хоть небольшой крюк срежу.

Увы, «санитары дорог» не дремали: не успела я отъехать и ста метров, как за спиной послышался гневный свист.

Я с ненавистью ударила по тормозам. Да что же сегодня за день такой!

Гаишник неторопливо, вразвалочку подошел к машине, помахивая жезлом, как сытый кот хвостом.

– Сержант Остромухов, – четко представился он, облокотившись на окошко. – Ваши документы?

Я торопливо потянулась к бардачку. И с чего я взяла, что это самое удобное место для хранения бумаг?! Чтобы выудить оттуда права, пришлось почти лечь к Сане на колени.

– Помог бы даме, что ли, – шутливо упрекнул гаишник.

Колено под моим локтем вздрогнуло.

– Как девок тормозить, они герои, – зло бросил Саня в пустоту, – а как Басайку ловить, так прямиком до Буденновска. Крыса тыловая...

С гаишника мигом сдуло все благодущие.

– А ну, выходи! – потребовал он, отступая от окошка и заводя руку к кобуре.

Саня начал вылезать из машины. Делал он это нарочито медленно – и к лучшему, ибо я чувствовала, что, пожелай он хлопнуть дверцей, осыплется не только боковое стекло, но и лобовое.

– А теперь повтори, что сказал!

Я в тихой панике вжалась в спинку кресла. «Я не с ним! И вообще понятия не имею, как он оказался в моей машине!»

– Со слухом проблемы? Я сказал, такие герои, как ты, только баб тормозить и умеют! Пузо нажрал, – Санин палец ткнулся в форменную рубашку, которая и впрямь заметно нависала над ремнем, – а случись вместо меня душара? Он же тебе твою палку-махалку пять раз в задницу вколотит, пока ты до кобуры дотянешься! Или ты думаешь, что война – это там, далеко, и тебе до нее дела нет? Ну думаешь?!

– Что я думаю, не твое дело, – далеко не так уверенно огрызнулся гаишник.

– Не мое?! – все больше распалялся Саня. – А хочешь, моим станешь?! Хочешь, я тебе прямо шас проверку на профнепригодность устрою?! Ну?! Ты вообще из своего ПМ-а хоть раз в год стреляешь?! Или он у тебя заместо пивной открывашки!? Вон знак висит, – Саня махнул рукой в сторону болтавшегося над дорогой жестяного круга, – как раз мишень «четыре». С какого раза попадешь, а?! Давай проверим?!

– Совсем сдурел, – отступая на шаг, пробормотал гаишник. – Там же дома...

– Вот! – скривился Саня. – «Дома кругом». Боишься из пекаля лишний раз пальнуть... А дать тебе автомат – и на блокпост, в ночную?! В первую же минуту обделаешься... Да ну, – махнул он рукой, – говорить с тобой... все равно ни хрена не поймешь.

Саня развернулся, сел обратно в машину и коротко бросил:

– Поехали!

Я послушно газанула. Бедный гаишник так смотрел нам вслед, что у меня уши от стыда дымились. Ну какое отношение может иметь к Чечне мирный белорусский постовой?! Да я теперь эту площадь за три квартала объезжать буду!

Мы уже мчались по кольцевой, когда Саня неожиданно, все так же глядя в окно, сказал:

– Не люблю я их. Поймали мы как-то одного... Ну ехали мимо, увидели, как он чича пропускает. Тормознули, взяли за грудь... а у него в разгрузке два кармана из-под рожков, набиты почти доверху... и не копейками, понятное дело.

– И что? – с содроганием уточнила я, хотя догадывалась, что ответ мне не понравится.

– Что... Заставили жрать. Не все, правда... Полкармана он сожрал, потом давиться начал, посинел весь...

Если раньше Саня просто вызывал у меня неприязнь, то теперь начал откровенно пугать. Дальше мы ехали в гробовом молчании.

#

Леночка не пыталась ни о чем меня расспрашивать, и это было хорошо – сквозняк выдул из моей нечесаной башки остатки градусов, и я даже начал испытывать нечто... ну, положим, не стыд, но что-то вроде легкого сожаления. Минский мент и впрямь являл собой не самую подходящую мишень для моего нетрезвого пафоса. Ему ведь наверняка и в кошмарном сне не снился противник страшнее пьяного водителя на асфальтоукладчике. Как и студенту истфака БГУ, который, выбрав «модную» тему для курсовой работы о первом «покорителе Кавказа», генерале Ермолове («еще в чеченской земле приступил я к построению крепости, которая по положению своему, стесняя жителей во владении лучшими землями, названа Грозною»), вовсе не думал, что всего через год с небольшим заполучит «экскурсию» по всем этим историческим достопримечательностям... за счет МО РФ.

Ну что сказать – знания пригодились. Мои «лекции» про то, как бывший начштаба Кутузова и его последователи усмиряли непокорный Кавказ, шли, что называется, «на ура»: из соседних рот люди «приобщиться к науке» приходили. Темы, правда, разнообразием не блистали: этот аул сожгли в 1826-м, вон этот спалил Бакланов – ага, тот самый, что под «черепом

и костями» в бой ходил! – в 1854-м. И заканчивалось все, как правило, вердиктом слушателей: а с этими гадами иначе и нельзя!

Я, в общем, был согласен. Про гуманность и прочую фигню хорошо рассуждается в университетских аудиториях, но первый же разрыв мины живо напоминает: обезьяном человек пробыл куда больше, нежели двуногим сапиенсом. А тот, кто шибко умный, много думает и при этом не штабной офицер – такие на войне долго... не задерживаются. Я вот умничать перестал быстро – и задержался.

Только теперь пора, блин, как-то возвращаться в цивильное общество... в смысле, в цивилизованное. Где думают, как дожить до зарплаты, а не до рассвета, где ценностью являются шмотки, машины, квартиры, а не патроны в недорасстрелянном рожке. Где тоже, случается, стреляют и даже убивают – но куда чаще попадают в ДТП, травятся паленой водярой или даже вскрывают себе вены из-за «несчастной любви к красивому мальчику из третьего подъезда»...

Я искоса глянул на Леночку. Ну эта фифа явно не из тех, кто из-за какой-то там любви с крыши сиганет. «Хорошо упакованная» блондинка, с тачкой, – хахали вокруг нее наверняка штабелями складировались. Странно даже, чего она позабыла в серафимовской конторе? Не нашла получше? Или впрямь видит свое призвание в... э... Я второй раз за вечер мучительно попытался вспомнить хотя бы наименование своей новой работы. Что-то насчет охраны... или контроля?

Это уже начинало казаться смешным. К тому же до меня внезапно дошло, что я так и не озаботился спросить: какое такое дело нам предстоит? Вернее, так – до сих пор мне как-то само собой разумеющимся казалось: раз контора с «охраной» в названии берет к себе бывшего вояку, то и работа ему предстоит насквозь соответствующая. Однако Леночка меньше всего походила как на двухметрового вертухая, так и на сторожевую гримзу – сидела одна такая на входе в женскую общагу, как вспомню, до сих пор кисло делается.

Конечно, внешность еще ни о чем толком не говорит, и вполне запросто может выйти так, что дома у Леночки пылится в шкафу диплом КМС по стрельбе из положения лежа, полусидя, ну и так далее... и вообще, при наличии желания фифа скрутит меня в рогалик одним движением бровей. Может – но верится слабо. Да и папочка, что вручил ей Серафим Петрович, в моем понимании как-то больше увязывалась с какой-нибудь ревизионной проверкой и прочими бухгалтерскими штучками.

Только вот что ж эта за ревизия, для которой требуется на ночь глядя ехать... Кстати, о! А куда мы едем-то... хотя бы?

Вроде бы, припомнил я, Леночке был даже задан соответствующий вопрос, после которого выяснилось, что моя новая шефиня также не чурается русского нецензурного. Но слово из четырех букв вряд ли было адресом. Разве что это было общепринятым «для своих» шифрованным обозначением какого-то из подведомственных Серафимовой конторе объектов – типа: а чтоб никто не догадался.

И находится этот самый объект на букву Б где-то за городом – прикинул я, глядя на оставшуюся позади кольцевую. Ну-ка, ну-ка... чего ж у нас в той стороне интересного? Подскажи-ка, товарищ Память...

Товарищ Память, глупо улыбаясь и виновато разводя руками, сознаваться не желала, упорно настаивая, что в направлении нашего движения ничего такого уж интересного нет. Кроме разве что водохранилища. Но какого хрена... Объем запасенных водных кубометров пересчитывать будем, что ли? Угу, в темноте – а ночь сегодня будет отменно темная: небо все в тучах, ни звезд, ни луны.

Чуть поразмыслив, я решил, что тащимся мы все же не на Минское море, а куда-нибудь в «рядом с ним». В конце концов, здешние места я и раньше знал не так чтобы очень, а за два последних года еще и понастроить могли всего и всяко разного.

Этот оптимистичный вывод пришелся мне по душе, и я, решив обождать с дальнейшими вопросами, откинулся на подголовник и зажмурился.

...за какое действие был незамедлительно вознагражден ласковым постукиванием по макушке. Непосредственной причиной стука была крыша «гольфика», а посредственной – то, что Леночка, ничтоже сумняшеся, как писали про эдакие выходки наши прадеды, съехала с шоссе на... тоже дорогу. Глядя на мелькающие в свете фар буераки, я решил, что блондинка за рулем вообразила себя водителем бээмпэшки или хотя бы «хаммера».

Е...! Мадам думает, что сможет проскакать по этим колдобинам на своем задохлике? Мадам большая оптимистка? Ну-ну...

Я начал было разевать рот, дабы предупредить: случ-что, вытаскивать это творение сумрачного тевтонского гения из белорусских ям будет кто угодно, кроме Сани Топлякова. Но очередной ухаб вернул нижнюю челюсть на место, едва не оставив меня без половины языка, и я живо передумал говорить, решив придержать радостную весть до... ай, блин! Да кто ж так водит!

Пародия на Кэмел-трофи продолжалась минут двадцать, если не больше, – и от близкого знакомства с моим обедом салон Леночкиной «машины боевой» уберегло только отсутствие этого самого обеда. Наконец «гольфик» остановился, и я кое-как выпал из его нутра на свежий ночной воздух – даже не на четвереньки, к собственному вялому удивлению.

– Ну вот, – с каким-то недоступным в моем полUTOшнотворном состоянии значением процедила Леночка. – Приехали.

– Вижу, – выдохнул я, – что приехали.

Больше видеть было нечего, хотя до темноты оставалось еще минимум полчаса. В конечной точке нашего путешествия имелось водохранилище, одна штука, и его берег – в таком же количестве. А чего здесь не наблюдалось, так это складов, домов, ангаров и прочих подлежащих охране строений – до будки караульной собаки включительно.

В первый момент я решил, что фифа попросту заблудилась. И теперь кому-то – скорее всего мне – придется разыскивать какого-нибудь местного Сусанина, могущего с точностью до стороны света указать направление на ближайший центр цивилизации. Но, поразмыслив, эту версию пришлось отставить – во-первых, зарево вечернего города просматривалось четко. Во-вторых, позади «гольфика» имелась колея, а вернуться по собственным следам – подвиг вполне посильный даже для блондинки.

Ну а, в-третьих, Леночка отнюдь не выглядела заплутавшей. Выйдя из машины, она достала из сумочки щетку и занялась прической, растрепавшейся за время ралли.

– Ай!

– Чего случилось?

– Зацепилась... – буркнула фифа, яростно дергая запущенной в волосы рукой.

Вглядевшись, я понял, что прядь блондинистых волос защемила в завитке массивного кольца, – и не в лом этот кастет на пальце тягать? – и недолго думая выдернул из чехла на поясе нож.

– Свободна.

– Рехнулся?! – вместо благодарности прошипела Леночка. – Чуть палец не отрезал!

– Так ведь, – я пожал плечами, – не отрезал.

Фифа подозрительно изучила несколько застрявших в кольце волосин (что, думала – налысо тебя обрил?) и нашла-таки, к чему придраться.

– Ага, зато фамильную драгоценность поцарапал!

– Ну-ка покажи, заценю размер ущерба, – усмехнулся я.

– Обойдешься.

Подарив мне очередной неприязненный взгляд, девушка подошла к краю воды, порылась в сумочке, вытащила какую-то тускло блеснувшую фигню, поднесла к губам и... свистнула!

От неожиданности я чуть не выронил зажигалку.

– Ты чего?!

– Вызываю, – коротко и непонятно сообщила шефиня.

На всякий случай я огляделся еще раз. Вода. Берег. Мы двое. Минск на горизонте.

– Кого?!

– Подлодку агента 007! – зло бросила Леночка. – В самом деле, ну кому еще я могу свистеть в девять вечера на берегу водохранилища?!

– Лен... – Я сглотнул. Ладно, так уж и быть: – Елена Викторовна, я серьезно.

– А если серьезно, то зачем дурацкие вопросы задаешь? – огрызнулась блондинка. – Русалкам сигналю, кому же еще.

– Я ж попросил серь... – обиженно начал я... и услышал плеск.

#

Со дна кольцом поднялся десяток крупных пузырей, и я убрала свисток (он же нежчастотный модулятор) в сумочку. Раньше их делали неслышимыми для человеческого уха, но после инцидента с тещей одного из недобросовестных инспекторов (длительное воздействие потусторонних волн вызывает у людей безотчетную панику и желание убраться куда подальше) прибор усовершенствовали. Благодаря чему я чувствовала себя исключительно глупо, особенно когда приходилось свистеть в центре города. Еще и Саня этот издевается, придурок...

Пузыри достигли поверхности, но лопаться не стали, зависли под ней, как теннисные мячики. Покачались, успокоились и начали кружиться по часовой стрелке, все убыстряя ход. В центре круга появилась впадина, углубляющаяся с каждым оборотом.

В озере заплескалась, запрыгала рыба. Сначала мелочь – как будто чья-то щедрая рука горстями подбрасывала в воздух серебряные копейки, – затем темные одиночки-окуньки, плоские подлещики, верткая, трепещущая плотва. Двухметровая щука с видом балерины-пенсионерки исполнила корявое сальто и бревном грохнула обратно. Вода пошла рябью, камыши трясло – не чета осинам, в ушах нарастал тоненький писк-звон, а потом дотянувшаяся до дна воронка вывернулась наизнанку и взорвалась брызгами, сквозь пелену которых проступил женский силуэт, прекрасный, загадочный и манящий... теоретически. Смотреть на эту ерунду я, разумеется, не стала, посвятив свободную минутку более тщательному изучению заявления. Точнее, коллективной жалобы.

«Начальнику Госнежохраны Минского областного управления Госнежконтроля.

Мы, нижеподписавшиеся нежилыцы Заславского водохранилища (также именуемого Минским морем), вынуждены с прискорбием сообщить, что наш водоем (входящий в конвенционный список 1990 г.) стал объектом гнусных посягательств любителей ролевых игр (т. н. «ролевики»).

Так, 4-го числа сего месяца многочисленная группа «ролевики» (прим. 50 (пятьдесят) человек) вторглась в пределы нашего местообитания и приступила к обустройству т. н. «полигона» для своих асоциальных игр, что выразилось в рубке деревьев, кустов, выкосе камышей, постройке временных сооружений, загрязнении территории бытовыми отходами, взмучивании воды и нарушении общественного спокойствия, особенно в ночное время. Чем и занимается по сей день.

Настоятельно просим Вас принять безотлагательные меры по наведению порядка в подведомственном Вам регионе.

Также просим рассмотреть вопрос по возмещению ущерба, как морального, так и материального, путем организации для «ролевики» принудительных общественных работ в прибрежной зоне.

В дополнение к вышеизложенному сообщаем, что копия данного обращения направлена непосредственно в Госнежконтроль, Затопчуку М.Р.

С уважением ...».

За спиной охнул Саня, и я, обернувшись, с изумлением увидела, как из его пальцев выпадает недокурная сигарета. Ну теперь-то что с ним такое?! Дымом поперхнулся?

Хлопать «напарника» по спине было не самым актуальным и, подозреваю, неблагодарным делом. Как только на берег перестали сыпаться капли, я, брезгливо переступая шишки и корни, подошла к воде.

– Елена Коробкова, инспектор по нежохране. – Я протянула русалке развернутое удостоверение. Та едва удостоила его взглядом, ехидно заметив:

– А я уж думала – этот... как его... «Речной дозор, всем выйти из воды!»

– Речной дозор – это ОСВОД, – с каменным лицом возразила я, складывая «корку». Шпильки туфель проваливались в песок, приходилось стоять на цыпочках, изо всех сил стараясь не шататься. – А я официальное лицо, так что попрошу без ерничанья.

И, обернувшись к Сане, пояснила:

– Русалки не любят женщин.

– Как я их понимаю! – деревянным голосом поддакнул тот, продолжая тарашиться на водяницу. Надеюсь, хотя бы к ней он не станет цепляться, что она, дескать, в омуте отсисживалась, пока он «там» кровь проливал?!

Я тоже не питала к водяницам теплых чувств – наглые, склочные и насквозь фальшивые. Особенно эта: волосы гривой, губки бантиком, бюст размера «два арбуза», хвост – мечта завсегдатая пивнухи.

– Ну наконец-то прочухались! – с визгливой интонацией базарной торговли напустилась на меня русалка, мигом растеряв все очарование. – А мы уж думали: эти бандюганы все озеро испоганят, а ваша контора и не почешется! Где ж вы целую неделю шлялись-то, а? Заявление еще во вторник отправлено было, заказным письмом, у нас квитанция имеется! Мы на вас жалобу в Госнежконтроль напишем! Четвертую! Чтоб вас всех там премии полишали!

– По существу, пожалуйста, – холодно перебила я. – Где находится вышеозначенный ролевой полигон?

– Да вон там, за излучиной, напротив острова! Досюда дымом воняет! А у нас, между прочим, сезонный нерест на хвосте! Вот вам, мужчина, приятно было бы, если бы в такой пикантный момент на вашем потолке кикиморы гулянку устроили? А то и пивными бутылками швыряться начали?!

– Разберемся, – с отвращением пообещала я, и прежде чем Саня успел вставить свои пять патронов, схватила его за рукав и потянула прочь.

– И припугните их там как следует! – мстительно крикнула нам вслед водяница. – Чтоб неповадно было!

– Разберемся...

Что ж, «дельце» действительно несложное. Есть шанс управиться до темноты. С ролевиками у меня обычно проблем не возникало: в основном это были ребята двенадцати-двадцати лет, веселые и интеллигентные. При виде инспекторши они смущались, будто их застукали за чем-то неприличным, и покорно соглашались поиграть в другом месте. Даже мусор за собой до последнего фантика убирали.

Саня волокся за мной как-то уж больно покорно, словно пришибленный.

– Лен... а что это было-то?

– Что – «что»?

– Ну все: и тетка с хвостом, и селедки... Эт голограмма? Или просто кукла надувная?

Я поняла, что рано обрадовалась.

– Так, – остановившись, обреченно сказала я. – Серафим Петрович тебе что, ничего не объяснил?

– Ну... типа того...

Мне захотелось швырнуть папку на землю и от души... высказать свое недовольство в глубоко нецензурной форме. Похоже, подлый шеф решил провести с племянничком сеанс шокотерапии, а мне отвел роль бумажного пакета, надутого и лопнутого под ухом у пациента!

– Это русалка, она же водяница речная, – наконец сказала я, не придумав ничего умнее. – Настоящая. Понравилась?

– Так себе, – пожал плечами Саня. Взгляд у него по-прежнему был какой-то стеклянный. – Фигуристая баба.

– Это она ради тебя расстаралась, – буркнула я. – Русалки принимают облик, наиболее подходящий для соблазнения и утопления объекта. Женщинам они обычно являются в виде скрюченной уродливой старухи, которой надо показать сорочий череп, блин на собачьем молоке...

Парень ошалело уставился на мою сумочку.

– ...или удостоверение инспектора по нежохране, – отмела я его дурацкие домыслы.

– Ну-ка покажь!

Я скрипнула зубами, но «корку» достала. «Напарник» долго таращился на вклеенную в нее фотографию (ну да, не очень удачная – на ней я смахиваю на жертву базедовой болезни, сидящую напротив вентилятора), потом перевернул и посмотрел на обложку.

– И чего это такое?

О боже. Серафим совсем ума лишился.

– Буквы, – как можно ласковее сказала я. – Их читают.

– Да уж, блин, догадываюсь, что не грызут! – обозлился мужик. – Ты нормально объяснить можешь? Как контора-то называется?

– Госнежохрана, одно из подразделений Госнежконтроля.

Саня нахмурился и пошевелил губами, пытаясь в уме расшифровать аббревиатуру.

– А по-человечески?

– Государственная охрана нежити.

– Тогда почему не Госохренеж? А, понял...

– Мы оберегаем миролюбивую нежить. – Я выдернула у него удостоверение. – Разбираем жалобы, предотвращаем конфликты, ведем статистику численности, плотно сотрудничаем с экологами... Короче, вроде соцзащиты для видовых меньшинств.

– Интере-э-эсная у тебя работа, – задумчиво протянул Саня и после короткой паузы со значением добавил: – У нас.

Я пожалала плечами. Работа как работа. Это первые полгода интересно: о-о-о, я русалку видел! С привидением фотографировался (ерунда, что оно на пленке не проявляется!). А потом – рутина: бумажки, отчеты, ругань с нашими и вашими...

– На обратной дороге поговорим, – отрезала я, двигаясь дальше. – Надо вначале с ролевиками разобраться. То есть это я разбираться буду, а ты в сторонке постоишь и послушаешь, понял?

– Ладно, – легко согласился Саня, тоже, видимо, нуждаясь во времени на «подумать».

Лагерь у ролевиков оказалось два – на противоположных краях прибрежной поляны. В центре каждого горел высоченный костер, от ближайшего доносился гитарный перебор и вторящие ему голоса. Пели хорошо, так что я пошла туда.

– Остановись, неурочный путник! – окликнул меня мелодичный голосок откуда-то сверху. Я задрала голову. В развилке дуба, метрах в трех над землей, сидела худенькая длинноволосая девушка в зеленом бархатном камзоле и точила меч перочинным ножиком. У подножия дерева светлым пятном лежала осиновая щепка.

Разглядев незнакомую женщину в деловом костюме, дриада (эльфийка, кикимора?) смутилась и спрятала нож за спину.

– Ой, вы из местных?

– Ага, – хмуро подтвердила я. – Поганки на уху собираю. Кто тут у вас за главного?

– А, это вам к мастеру. – Девушка белкой спрыгнула с дерева. – Вон он, в белой мантии, возле самой высокой палатки! Давайте провожу.

Когда я подошла к костру, пение смолкло. На меня подозрительно уставились двадцать пар глаз, а усато-бородато-волосатый парень в расшитой блестками хламиде прервал разговор с другом и вопросительно поднял брови.

Я прижала папочку к груди, как щит перед битвой.

– Простите, это вы... э-э-э... мастер?

– Да, я властитель сего дивного края, светлый эльф Игуариан, – величаво подтвердил парень. – Чего ты хочешь от меня, смертная женщина?

– А по паспорту? – уточнила я, демонстративно пропуская вторую часть фразы мимо ушей.

– Ну Игорь, – сменил тон ролевик и, подумав, добавил: – Аркадьевич. А что? Вы кто такая?

Я предъявила вторую из своих «корок», публичную, с серебряным тиснением «Природоохранная служба».

– А-а-а, опять лесники пожаловали, – невесть чему обрадовался Игорь. – Нет уж, ребята, больше вы меня на дешевый развод не купите – я заранее выяснил: тут не заповедная зона, можно и костры жечь, и купаться. Так что идите добывайте себе на водку в другом месте!

Вот черт. То бишь эльф.

– Теперь я имею право выписать вам штраф уже за оскорбление должностного лица, – ледяным тоном сообщила я. – Но не буду. Зато предлагаю быстренько выкопать свои священные мэллорны, то бишь собрать палатки и перенести их на три километра от побережья водохранилища.

Ролевики возмущенно загомонили.

– А корабль? – с обидой выкрикнула девчонка лет пятнадцати.

– Какой еще корабль?

– Союзный гномо-эльфийский флагман «Ласточка»! Зря мы его, что ли, полдня строили?!

Я глянула в указанном направлении и оторопела: возле камышей колыхался на волнах огромный неряшливый плот из бурелома. Двое парней как раз пытались установить на нем мачту с броским красно-золотым флагом, третий, в костюме мага, потрошил ящик с петардами, раскладывая их по кучкам. Ой-ёй... тут не то что русалкам – всем окрестным зайцам от таких «заклинаний» на месяц желание отобьет!

Компания грохнула хохотом. Вид у меня, наверное, и впрямь был забавный, потому что Игорь почти сочувственно поинтересовался:

– Девушка, скажите честно: чего вы к нам прицепились?

– У русалок сейчас нерест, их тревожить нельзя, – мрачно сказала я.

– Очень смешно, – снова разозлился мастер. – Вы что, за идиотов нас держите? Думаете, раз мы фантастику любим, так нам любую байку скормить можно?! Да мы тут почти все с высшим образованием, даже один кандидат наук – вон он, гнома отыгрывает!

Сидящий на пенёчке «гном» пил пиво из жестяной банки, настороженно прислушиваясь к нашему разговору. Из-под самодельных кожаных штанов виднелись стоптанные кроссовки.

– Так что отвяжитесь от нас со своими дурацкими бумажками, дайте людям спокойно провести отпуск на природе!

– Если бы «спокойно», я бы вам слова не сказала!

– Повторяю для особо тупых: никуда мы отсюда не уйдем, – угрожающе повысил голос парень, для усиления эффекта ткнув меня пальцем в центр папки. – А вот вам советую поспешить: через пять минут из горных пещер вылезут тролли-людоеды. Я ясно выражаюсь?

– Вполне. – Я не трусиха, но когда в тебе всего сто шестьдесят один сантиметр росту и пятьдесят килограмм весу, чувствуешь себя тем ежиком из анекдота: «Я самый сильный, смелый, ловкий... только уж больно легкий!» – Но учтите...

Я хотела сказать, что, когда мы вернемся, «троллям» придется беседовать уже с милицией, но не успела.

Из-за моей спины тоже кое-кто вылез.

#

– Тролли, говоришь? – ласково спросил я. – Нью-ню.

Эльф попал. Он еще не подозревал об этом, но светлый эльф Игуан-как-его-там и все эти ролевики крупно попали. На Саню Топлякова. Потому как сейчас мне срочно требовалось на что-то переключить мозги. Желательно: на что-нибудь простенькое, обыденное... морду кому набить, к примеру.

Удивительно, но мысль, что фонтан из рыбы и появившаяся следом помесь Памелы Андерсон с треской каким-то хитрым образом организованы спецом для меня – типа проверка нового сотрудника на психологическую устойчивость, – мысль эта потрепыхалась в голове от силы пару секунд, а затем сгинула без следа. Я поверил, нет, не так – я знал, что русалка настоящая. Хрен пойми откуда, но знал.

Да уж. Идешь так себе и вдруг – бац! – мешком по башке. Ай да Серафим Петрович... Ай да Леночка... инспектор по нежохране. Ай да...

– Численность бандформирования известна? И чем вооружены?

– А-а... – У властителя дивного края, похоже, возникли трудности с артикуляцией. – Одиннадцать чел... то есть троллей. С дубинами.

Я мысленно добавил оное количество к уже посчитанным «силам противника». Двадцать у этого костра, примерно столько же на другом конце поляны, с дюжину бродит по лагерю, да еще эти... тролли. Шесть десятков рыл, в смысле, ролевиков – не самый вдохновляющий на великие свершения итог. Даже с учетом того, что треть вражьих полчищ принадлежала к слабому полу.

– Не, ну это ж несерьезно, – разочарованно протянул я. – Вот если бы со «стингерами»...

– Послушай... те, вы. – Светлый эльф совершенно по-человечески скрипнул зубами. – Для дурацких шуток...

– Между прочим, разговор про троллей начал ты, – перебил я. – Ну да ладно. Поговорим без шуток, всерьез. Заповедной зоны тут и впрямь нет... официально.

– А неофициально, значит, есть.

– Владыка, да что ты с ними разговариваешь? – не выдержал мужик в кольчуге, сделанной, судя по блеску и лязгу, из консервных банок. – Они ж просто бабок по-легкому срубить хотят, только не знают, к чему бы придаться!

– Слышь, ты... – Я осекся, глубоко вздохнул и вновь напялил на лицо ласковый оскал. – Ну зачем же так грубо-то, а? Прямо не эльфы, а эти... орки. Да если б начать искать, к чему придаться... – Я огляделся. – Вон, к примеру, ящик с потенциально взрывчатыми веществами стоит ближе пяти метров к источнику открытого пламени.

Всего ящиков с характерными желтыми иероглифами на боках наличествовало три, из них один уже наполовину разобранный. Не иначе гномо-эльфийский союз планировал отметить свою победу салютом круче, чем на Новый год и 9 Мая разом.

Покосившись в сторону ящика, властитель дивного края смущенно потупился, а вот мужик в кольчуге, наоборот, радостно заухмылялся.

– А тебе-то какое дело, а? – не обращая внимания на громко-шепотное «Коль, ну что ты все время лезешь...» стоящей рядом с ним девицы, вызывающе произнес он. – Вы ж эта... «природоохрана», а не пожарники.

Я мотнул головой.

– Не угадал. Природоохрана – это вон она. – Я ткнул пальцем за спину, где на манер народа из пьесы вовсю безмолвствовала Леночка. – А я – специалист по взрывчатым веществам!

Сзади придушенно охнули. Спереди типчик в кольчуге озадаченно нахмурился.

– Чё, и документ соответствующий имеется? – осведомился он на полтона ниже своего предыдущего высказывания.

– А то.

– И посмотреть на него можно?

– Нужно. Только для начала, – я повысил голос, – устрою-ка я вам небольшую проверку... на профнепригодность. Ну-ка... кто из присутствующих может перечислить основные характеристики гранаты Ф-1?

Судя по вытянувшимся лицам присутствующих, никто из них не был готов к подобному «экзамену». Чему я незамедлительно удивился.

– Неужели проблемы даже с таким элементарным вопросом? Ну же... – Неторопливо вытряхнув из пачки последнюю сигаретину, я наклонился к костру, выбирая подходящий сук. – Даю минуту на размышление.

– Что ты делаешь?! – Мое непосредственное командование наконец-то вышло из ступора.

– Работаю, – не оборачиваясь, шепотом отозвался я. – А вы, Елена Викторовна, шли бы себе... хотя бы до края поляны. А лучше – сразу до машины. Я туда подойду скоро... как закончу.

– Послушай...

– Идите, идите, Елена Викторовна, – пропел я и уже нормальным тоном осведомился: – Ну минута прошла, какие будут озвучены мнения по вопросу?

– Это которая «лимонка»? Ну ребристая такая, весит полкило.

– Вроде больше, – неуверенно поправил кто-то.

– Не, я не понял! – Это заявление, как я и ожидал, последовало от Коли. – Что это еще за экзамен?!

– Я же сказал: на профнепригодность!

– Да какого...

И тут Коля осекся и, выпучив глаза, принялся с ужасом глядеть, как из моего кармана появляется предмет обсуждения – причем вытаскиваю я гранату одним пальцем... за кольцо.

– Значица, так, – начал я, – запоминайте, а лучше записывайте. Ручная осколочная граната Ф-1 весит шестьсот грамм, имеет корпус из сталистого чугуна и оснащается запалом УЗРГМ, который обычно горит четыре секунды... – я сделал паузу, – но иногда и три. Ф-1 относится к гранатам оборонительного типа, применять ее можно только из укрытия. И вот их-то, – я повысил голос, – у вас и не видно!

К концу лекции состав ее слушателей претерпел изменения – трое парней и одна девушка, видимо, лучше остальных представлявшие себе возможности «лимонки» в руках психа, сначала попятись, а выйдя за пределы светового круга, перешли на бег. Благоразумные люди, приятно с такими дело иметь. К сожалению, среди ролевики они составляли явное меньшинство.

– Так ведь, – очень жалобно протянул властитель дивного края, – мы не собирались... гранатами.

Я оглянулся. Удивительно, но Леночка все же последовала моему совету и сейчас была почти у края опушки – то есть почти в безопасности. Очень хорошо – бегать на таких шпильках, как у нее, должно быть, сущее мучение.

– Может, вы и не собирались, – сочувственно вздохнул я, – а кое-кто собрался.

И кинул гранату в костер.

Это был самый рискованный момент в моем плане. Во-первых, какой-нибудь идиот-ролевик мог настолько войти в героический образ, что попытался бы вытащить «лимонку» из огня.

Во-вторых, они могли начать меня бить.

К счастью, обошлось без первого и без второго. Несколько человек с воплем шарахнулись во тьму, но остальные просто тупо стояли, пялясь на ребристый предмет в костре. На какой-то миг я даже их пожалел – с такой-то убогой реакцией...

– Фигня, – дрожащим голосом произнес один из парней. – Наверняка она не настоящая.

– Конечно-конечно, – поддакнул я, отбрасывая полыхающий сук. Поскольку взгляды благодарных зрителей были прикованы либо ко мне, либо к гранате, за траекторией его полета никто не проследил... А зря! Я перешагнул через костер и вытянулся на земле, вдоль служившего эльфам скамейкой бревна. – Вот секунд через пятнадцать корпус прогреется, и тогда все убедятся, какая она «ненастоящая». Метров на двести вокруг. Так что настоятельно советую не залегать, а убегать... подальше в лес.

И, вцепившись в воротник, рывком натянул куртку на голову.

Судя по донесшемуся топоту, кого-то мой пример вдохновил. Но далеко не всех. Часть ролевиков так и продолжала стоять – пока не грохнуло!

Думаю, большинство людей в жизни хоть раз да видели, как взрывается салютная ракета. Огромный шар из разноцветных искр и, спустя некоторое время, хлопок, от которого дрожат стекла и в радиусе квартала воют сигнализации наперебой с перепуганными псами. Ну а теперь представьте, что эдакое чудо китайской пиротехники срабатывает не в сотне метров над вами, а всего лишь в пяти.

Бум – нет, не так, – БУММ! – вышел на славу. По идее, ящик должно было разворотить к чертям собачьим, но роли это уже не играло – те самые «разноцветные искры», пытаясь разлететься, обязаны были обеспечить близнецам сработавшей ракеты недолгую, но яркую «жизнь». Что, собственно, и произошло. БАБАХ! Бум! А ведь второй ящик стоял неподалеку... ШАРАХ!!!

Что-то с диким воем просвистело над головой. Затем где-то в метре за бревном захотала петарда, и я с трудом задавил порыв сменить позицию – настолько это было похоже на автоматную очередь. И хорошо, что задавил – очередное шипение, БУХ! и по куртке что-то забарабанило. К счастью, этим «что-то» оказались всего лишь комья земли... БАММ!

В следующий момент в бревно врезались две ракеты. Одна срикошетила вверх и с оглушающим треском лопнула метрах в двадцати над землей, а вот вторая, должно быть, попыталась подкопаться под бревно... не успела. Но бумкнуло так, что и колоду, и меня подкинуло на добрых полметра.

Затем разрывы стали звучать потише – то ли я оглох, то ли большие ракеты кончились, – но при этом слились в сплошную канонаду. Основной источник грохота, как я прикинул, находился где-то в районе второго ящика. Похоже, в нем были петарды, огненные фонтаны и прочая пиротехническая мелочь... которую сейчас расшвыривало по всей поляне. Не, определенно фейерверк удался. Со стороны бы на это посмотреть, но и «изнутри», думаю, нашлось кому оценить по достоинству. БАБАХ! Нет, не все ракеты кончились...

Семью минутами позже я решился выглянуть из-за бревна. Открывшееся зрелище воистину радовало глаз сотрудника Госнежохраны: густой дым, сквозь который виднелись три огненных фонтана – ни фиги ж себе заряд у этих штук, удивился я! – два догорающих костра, еще пара-тройка чего-то горящего... в общем, хороший, добротный послебоевой пейзаж –

и ни одного ролевика! Красота! Я носком ботинка выкатил из костра свою учебную любимицу и подумал, что работа инспектора определенно начинает мне нравиться.

Правда, судя по доносящимся сквозь звон в ушах голосам, идти через лес сейчас не стоило. Да я и не собирался – ведь к моим услугам был союзный гномо-эльфийский флагман «Ласточка». Действительно, не зря ж они его строили!

Угу. Как вы яхту назовете... Сооруженный ролевыми плот явно мечтал именоваться не какой-то пошлой птицей, а «Ослон». И старательно делал все, дабы соответствовать именно этому животному. На то, чтобы преодолеть пару километров, отделявших место встречи с русалкой от лагеря ролевиков, у меня ушло добрых полчаса, и, когда я вернулся на берег, ни блондинистой фифы, ни ее суперджипа там не было.

Глава 2

Лучший друг женщины – стенной шкаф!

Л.

Я скорее поверю в искусственный интеллект, чем в женский.

С.

#

Под утро мне приснился Серафим Петрович.

– Ну что же ты, Леночка? – с горечью сказал он. – Я же просил...

«Даже во сне от него покоя нет», – тоскливо подумала я, открывая глаза. Хорошо, хоть на работу сегодня не надо... Телефон, телефон скорее отключить!

Порывисто свесившись с дивана, я потянулась к стоящему на ковре аппарату, потеряла равновесие и бухнулась на пол – вместе с одеялом. У соседей снизу закрипела, качаясь, люстра.

Уфф... успела. Лучше я с бешеным бультерьером буду на объекты ходить, чем с этим Саней!

Вчера я была так зла на Серафима Петровича, что даже не стала ему звонить. Его родственничек эту кашу заварил – ему перед шефом и объясняться! Что он там творил – страшно вспомнить, ролевики наверняка уже настрочили по жалобе в милицию и природоохрану, а самые разобиженные и отнесли. В понедельник объяснительную придется писать... Ну и пусть! Я там такого напишу, что шеф передо мной на коленях стоять будет, прощение вымаливая! Цистерной молока за вредность не отделается!

И все-таки на совести было как-то беспокойно.

Серафиму Петровичу вряд ли понравится, что я отвезла его племянника в пригородную глухомань и там бросила, как слабовольный мужик из сказки «Морозко» – родную дочку. Конечно, сентябрь еще не зима, даже в коварном белорусском климате. Замерзнуть Саня не должен, в худшем случае заблудится и умрет с голоду...

Я поскорее отогнала эту мысль. Ерунда, придется вдоль берега до какого-нибудь санатория, а оттуда на автобусе. К тому же, судя по Сане, ему в лесу самое место. Будет в дикой природе на одного йети больше.

Как бы это узнать, вернулся он домой или нет? Может, позвонить? Хотя трубку наверняка снимет Марья Сергеевна...

Тяжкие думы не помешали мне почистить зубы, принять душ и выйти на кухню. Чай уже стоял на столе, тонко нарезанный батон лежал в застеленной салфеткой корзинке, ветчина и сыр – на тарелке рядом. Федька сидел на краю табуретки и, болтая когтистыми лапками, смотрел новости по маленькому телевизору под потолком. Комментатор преувеличенно бодро, как у постели безнадежно больного, вещал об успешной битве с урожаем, который терпел сокрушительное поражение от наших комбайнов.

Я открыла масленку, поскребла ножом по инеистой поверхности и раздраженно зашипела.

– Сама его вчера зачем-то в морозилку засунула, – не преминул упрекнуть Федька.

Закусив губу, я отколупала кусочек масла, наколола на кончик лезвия и окунула в курившийся над чашкой парок. На работе в моих отчетах ревизор карандаша не подточит, но дома я почему-то становлюсь ужасно рассеянной: то пустой чайник на конфорку поставлю, то ключи

от входной двери «на видное место» положу, а Федька потом полдня их по однокомнатной квартире ищет. Он же ехидно уверяет, что рай населен душами безвинно сожженных мною котлет.

Картинка на экране сменилась.

– А теперь – криминальная хроника, – радостно сообщила хорошенькая дикторша, уступая место энергичному молодому человеку с микрофоном, позирующему камере на фоне леса. – Сегодня ночью на берегу Заславского водохранилища было найдено тело молодого мужчины с неопровержимыми признаками насильственной смерти. Прибывшая на место оперативно-следственная группа обнаружила...

Изображение дергалось и прыгало, словно оператор кругами бегал по поляне, спасаясь от недовольных съемкой милиционеров. В кадр попадали то угрюмые, сбившиеся в кучки ролевики, то кусок неба, то вытянутые ноги в кроссовках – вероятно, того самого тела.

Позабывтое масло плюхнулось в чай. Я растерянно попыталась поддеть его ложечкой, но быстро бросила это гиблое дело, поглощенная разворачивающимися на экране событиями.

– Главный подозреваемый – нигде не работающий Александр Топляков, – упоенно вещал репортер, смакуя горячую новость. – По словам очевидцев, накануне вечером...

Очевидцы говорили охотно и обильно. Им понадобилось полночи, чтобы снова собраться на поляне, обменяться впечатлениями и залить хмельными эльфийскими медами горечь утраты магического арсенала. Тем не менее игровое настроение было безнадежно испорчено, и с рассветом ролевики засобирались по домам. Тут-то и выяснилось, что к поруганному очагу вернулись не все...

По телевизору крупным планом показали черно-белую, еще доармейскую фотографию Сани, на которой он был вполне ничего, симпатичный. Даже улыбался, что в свете вышеизложенного казалось издевательским оскалом.

– ...судя по характеру, количеству и силе нанесенных ударов, убийца находился в состоянии аффекта...

Я словно воочию увидела, как Саня с яростью берсерка догоняет улепетывающего «гнома», сбивает с ног, вырывает секиру, с хрустом втыкает и проворачивает...

– ...по предварительным данным, орудием убийства послужил длинный кусок дерева, который сейчас пытаются найти...

Воображение быстренько подправило картинку: Саня голыми руками отламывает сук от ближайшего дуба и с рычанием обрушивает ее...

– Лен, ты чего? – опасливо поинтересовался Федька. Я с изумлением поглядела на насаженное на вилку и уже порядком обгрызенное масло. Оказывается, гадкий вкус во рту возник не только на нервной почве...

Милиция наконец-то изловила назойливого корреспондента, и камера снова показала студию.

– Мы будем держать вас в курсе расследования, – доверительно улыбаясь, пообещала дикторша. – А теперь – прогноз погоды...

Я без сопротивления отдала Федьке вилку. Мамочка родная, я ведь тоже там была! А кроме главных подозреваемых есть еще и второстепенные!

И тут в дверь позвонили.

#

– Ну что, спать?

Я отрицательно мотнул головой.

– Поеду. Кофе только булькну, чтобы по дороге не отрубаться.

– Ну смотри. – Серега, зевая, потянулся, встал. – А то б я постелил на диване...

- Не. Поеду. Тетка и так хай подымет.
- О?кей. – Серый зевнул снова. – А я упаду.
- Давай.

Серега, моргая и пошатываясь, убрел в комнату. Я же залил кипятком коричневую бурду а-ля «кофе растворимый» и, ожидая, пока температура получившегося месива опустится с нестерпимо-обжигающего до просто горячего, принялся играть с пультом от долбоящика. Если верить часам, вот-вот должен был начаться утренний выпуск новостей, а мне было интересно: ляпнут там чего-нибудь про вчерашний салют на берегу водохранилища...

...да так и застыл, глядя на собственную черно-белую рожу.

Мать-мать-мать! А ведь не поленись я вчера тащиться на другой конец города – показывали б меня сейчас «вживую»... и «в клеточку». Хорошо – дуракам на этом свете везет... до поры, но везет!

«Однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел, был сильный мороз». Вот уж не предполагал, зубря за школьной партой эти классические строки, что сам стану их героем. С зимой, правда, вышла накладка, но зато лес наличествовал в изобилии.

И ведь сам дурак. Не рискнул идти на остановку автобуса – я неплохо представлял, где она, но также создавал, что к ней могла ломануться часть ролевиков, а башка у меня после фейерверка была не в том состоянии, чтобы сводить знакомство с троллями-людоедами из горных пещер... с дубьем. Лучше уж марш-броском по лесу – чай, не «зеленка» под Шали, растяжек на тропах не предвидится, а заблудиться в паре километров от Минска не сумел бы и немецко-фашистский оккупант.

Угу, ага. Мин в здешнем лесу и впрямь не имелось – зато базировавшиеся в прибрежных камышах двукрылые вампиры, дай им волю, могли бы сгрызть свою жертву не хуже амазонских пираний. Как ни отмахивался, через полкилометра все лицо горело, словно я попытался бриться утюгом. Хорошо, трасса оказалась почти рядом. Вскоре я уже сидел в кабине попутной фуры и, опустив стекло, с наслаждением подставлял стремительно распухающую морду под встречный ветерок.

Подкинули меня до Веснянки. Не совсем подходяще, дом тетя Маши находился, считай, на противоположной стороне города. Верных три пересадки, а поскольку транспорт уже ходил по-ночному, то попасть домой мне светило часам к четырем – что автоматически влекло за собой очередную нотацию на тему... выслушивать которую не хотелось просто категорически. Я выудил из кармана мобилку – черт, батарея на последнем издыхании, ну, авось да хватит! – и, покопавшись в памяти, всего лишь со второй попытки угодил куда хотел.

– Але...

– Левашов, – я постарался как можно ближе к оригиналу симитировать грозный рык нашего замдекана, – вы почему до сих пор анализы в деканат не сдали?!

– Викентий Павлович?! – изумленно проблеяла трубка. – Но... какие... тьфу ты, черт! Саня?!

– Он самый!

– Ох, слушай, мне тут Кирилл Дерин позавчера звонил, сказал, что ты вернулся... типа, чуть ли не из Чечни! Чё, правда?!

– Было дело.

– Ох, ма-ать... Слушай, а ты шас где?

– Ну – я прищурился, пытаюсь в свете полудухлого уличного фонаря разобрать название улицы на табличке, – если мне память совсем не отшибло, а ты свою конуру не сменил... то в трех кварталах.

– Круто, слушай! Завалишься в гости?!

– А то!

И я завалился, и мы до утра просидели на Серегиной кухне – благо завтрашний день в календаре значился выходным. За два года новостей у него набралось изрядно, да и мне было чего порассказать. А под утро...

– Санек!

– А?! – Опомнившись, я отрубил звук посреди увлекательного повествования дикторши о том, что, по имеющимся данным, разыскиваемый преступник вооружен до зубов и потому очень, ну очень-очень опасен.

– Будешь уходить – дверь захлопни.

– Угу.

Первая мысль была: а вот хрен я сейчас куда уйду. Вторая: а вот хрен я тут останусь. Номер моего звонильника уже наверняка в ментовке, и вытрясти данные, кому я звонил, – вопрос нескольких часов. И даже если не вытрясут, все равно на друга Серегу выйдут быстро.

Нет, прятаться-ныкаться нужно там, где искать меня будут в последнюю очередь. А посему безоговорочно вычеркиваются родственники-друзья-знакомые-одноклассники-одногоруппники-коллеги-по... СТОП!

В комнату я прокрался на цыпочках – впрочем, храпящего Серегу не разбудил бы и топот врывающегося в квартиру ОМОНа. Друг даже не вырубил комп – по монитору, лениво дрыгая плавниками, ползала сине-красная лупоглазая рыбина скринсейвера.

Осторожно присев на край стула, я шевельнул мышкой. Рыбина, обиженно моргнув, сгнула в недрах ЭЛТ, а взамен появилось нечто тошнотворно-зеленое. Текстура то ли от Дума, то ли еще от какого шутера – чувство эстетики у Левашова было местами странное. Но меня сейчас интересовали не потеки цвета соплей, а россыпь иконок в углу. Которая ж из них... ага, вот!

Этой базой адресов Серега мне хвастался нынешней ночью, и я точно знал, что нужный мне человек в ней имеется: сам пробивал шутки ради... только вот запомнить не удосужился. Ну-ка...

Воровато покосившись на хозяина квартиры – хорошо спит, сразу видно: устал человек от трудов праведных во имя светлого капиталистического будущего, – я осторожно, едва касаясь пальцем клавиш, набрал: КОРОБКОВА Е.В. И – Enter!

Комп у Сереги был хороший, новый и жужжал в раздумьях он всего пару секунд, после чего выдал адрес моей пока еще начальницы: улица Осипенко, дом 25, квартира 72. Повезло – в том смысле, что Леночка в минской базе оказалась существом уникальным.

А еще – что жила она всего в часе ходьбы от Серегиного дома.

Напоследок я «позаимствовал» старый левашовский рюкзак – хоть и драный, он сумел вместить куртку с рубашкой. Описание моей одежды наверняка уже вовсю тиражируют, но хватать каждого утреннего бегуна в майке, надеюсь, менты не додумаются. Проще, конечно, было бы спереть одежду, но Серега был на добрую голову ниже меня и чертовски не любил свободно-спортивный стиль, так что из его гардероба на меня налезли б разве что семейные трусы.

Час ходьбы равен двадцати минутам бега. Правда, взмок я насквозь вовсе не от бега – дикий выброс адреналина мне обеспечил мелькнувший на дальнем конце улицы ментовский «луноход». Вообще, народ уже начал понемногу выползать на улицы, но всерьез меня удостоил вниманием только полусонный терьер, лениво тащивший за собой еще более сонного пацана лет одиннадцати. Не знаю, с какого бодуна, но когда я пробежал мимо них, пес вдруг резко проснулся и облаял меня с такой яростью, словно увидел злейшего врага своей собачьей жизни. Скотина короткошерстная...

Леночка жила в хрущобе, строители которой явно не планировали, что их детище переживет объявленную лысым кукурузником дату прихода коммунизма. Однако вместо комму-

низма к советским людям пришла олимпиада, а дом получил отсрочку от сноса... действовавшую и по сей день.

Зато подъездная дверь с кодовым замком блистала новизной во всех смыслах – так что нечего было и надеяться угадать код по степени потертости кнопок. Я начал было приглядываться к водосточной трубе – и тут углядел на стене возле двери мелкие черные цифирьки. Пим-пим-пим-пом-бжжж! Ура! Да здравствует старческий склероз и несмываемые маркеры. Теперь бы застать Леночку дома...

– Кто там?

– Это я! – Голос у меня после пробежки был лет на десять старше обычного. – Откройте, Елена Викторовна...

– Какие еще «это я» с утра в воскре... – Приоткрыв дверь на пару сантиметров, Леночка разглядела, что за «я» ходят в гости по утрам, и, охнув, немедленно попыталась захлопнуть дверь обратно – но я уже *входил*.

Жалобно тренькнула цепочка. Дальше включились рефлексy – рывок в сторону, чтобы не маячить на фоне проема, вдоль стены к входу в комнату... рука хватанула воздух там, где обычно находилось цевье автомата, я опомнился – и захлопнул наконец входную дверь.

– В квартире еще кто-нибудь есть?

– К-к-кот... – как-то неуверенно вякнула фифа.

– Из людей?!

– Из людей – никого! – Скривившись, Леночка демонстративно потерла красную полоску на лбу.

– Хорошо... – Я сделал глубокий вдох, пытаясь хоть немного унять бешеный стук в груди. – Пошли в комнату.

– Нет.

Раз-два-три-четыре-пять, спокойствие, только спокойствие...

– Ладно, будем торчать в прихожей, – согласился я. – Новости смотрела?!

– Только что.

– Так вот – я этого не делал!

– Этого – чего?

– Не убивал я этого козла!

Ответный взгляд Леночки не хуже слов сообщил мне, что степень ее доверия ко мне в данный момент составляет примерно ноль целых фиг десятых.

– Ты зачем ко мне пришел?!

– Некуда больше. И не к кому. Ты – единственная, кто может мне помочь!

– Интересно, чем же?

– Блин, ну ты же была там, на той поляне! – не выдержал я. – Видела, что никого из этих долбанных ролевиков я и пальцем не тронул!

– А, ну да, – медленно кивнула Леночка. – Была. А кроме меня там еще были пятьдесят человек – и все они сейчас в телевизоре дружно рассказывают, что убийца их товарища именно ты!

– Пошли в комнату.

– Никуда я не пойду! – отрезала блондинка. – А вот ты...

В этот момент мне окончательно надоело стоять в прихожей. Я шагнул вперед, сцапал запястье фифы и потащил ее за собой.

Первые три шага по коридору Леночка, видимо, опешив от моей наглости, протащилась сравнительно легко. Но, едва перешагнув порог комнаты, завизжала и свободной рукой попыталась – чертовски неумело – заехать мне по уху. Перехватив ее кулачок, я слегка сжал пальцы, чтоб неповадно было, и толкнул свою добычу на диван.

– Еще раз, по буквам. Я. Не. Убивал. Этого. Козла. – И после короткой паузы неожиданно для себя добавил: – А вот насчет тебя не уверен.

– Ты что?! – На этот раз визг был куда более злобным. – МЕНЯ подозреваешь?!

Я открыл рот, чтобы сообщить Леночке о том, что подозреваю сейчас всех и каждого, и в этот миг в дверь позвонили!

#

Сане я ничуть не доверяла, но объяснять милиции, что «он сам пришел», мне совершенно не хотелось. Пусть она его где-нибудь в другом месте ловит!

– В шкаф! – прорычала я, подсказывая к оному и рывком отодвигая зеркальную дверцу.

Впечатленный моим перекошенным лицом, мужик беспрекословно позволил упихать себя между дубленкой и шелковой комбинацией поросычьего цвета, подаренной бывшим (в нетипичном приступе щедрости: наверное, ему самому на халяву досталась). Мерзкая тряпка тут же соскользнула с вешалки Сане на голову, но распутывать их было некогда.

– И чтоб ни звука! – Яростно дернула я створку обратно и побежала открывать. В прихожей на секунду замешкалась, прикидывая, не надеть ли тапочки для солидности – по квартире я даже зимой хожу босиком, – но у порога стояли только плюшевые «зайчики» с волочащимися по полу ушами.

Плюнув на имидж, я отщелкнула замок и второй раз за утро получила дверью по лбу.

– Простите, – бросил ввалившийся в квартиру мужчина, причем по его тону было ясно, что раскаивается он ничуть не больше Сани.

Я всегда относилась к правоохранительным органам с симпатией и уважением. Правда, до сих пор мои контакты с этим славным учреждением ограничивались просмотром сериала «Улицы разбитых фонарей» да вызовами участкового дяди Пети, когда жившие сверху алкоголики устраивали совсем уж разудалый праздник жизни.

Прятать в шкафу убийцу в розыске мне еще ни разу не доводилось.

– Оперуполномоченный Наумов, – представился гость и, не снимая ботинок, по-хозяйски прошел в комнату.

В отличие от дяди Пети, щупленького пожилого милиционера с тихим голосом, которого даже хулиганы стыдились обижать, оперуполномоченный не понравился мне с первого взгляда. И дело было вовсе не в потном свалывшемся свитере, надетом под новый кожаный пиджак. Я как будто очутилась в одной клетке с тигром, который еще не определился, кто перед ним: долгожданный обед или низкокалорийная швабра уборщика.

– Елена Викторовна Коробкова? – для проформы уточнил тигр, то есть Наумов.

– Да, паспорт показать?

– Не надо, – отрезал оперативник с таким видом, словно в прокуратуре на меня уже давным-давно заведено личное дело с номерными фотографиями в профиль и анфас. – Полагаю, вы догадываетесь, почему я здесь?

– Конечно, – ляпнула я. – В смысле, новости смотрела.

– Новости... – с отвлечением повторил тот. – Ладно, начнем по порядку. – Милиционер раскрыл блокнот и щелкнул кнопкой автоматической ручки. – Как давно вы знакомы с Александром Топляковым?

– Меньше суток.

– В каких вы отношениях?

– Вы что, шутите? Я с ним всего-то пару часов общалась!

Причем хватило по горло.

– И какое у вас о нем сложилось впечатление?

– Плохое, – мстительно сказала я. – По-моему, ему еще лечиться и лечиться, причем под пристальным врачебным наблюдением.

– Вы недалеки от истины. – Оперативник продолжал буравить меня взглядом. – Топляков серьезно болен. У него сорвана психика, он неадекватно воспринимает реальность и не контролирует свои поступки, как наркоман во время ломки. Вы ведь не стали бы заступаться за наркомана, правда?

Вся моя решимость куда-то испарилась. Дико захотелось ткнуть пальцем в шкаф и пулей вылететь из квартиры... но тут я вспомнила о гранате. Вдруг у Сани еще одна есть?! При чем – откровенный идиотизм! – первой в голову пришла мысль о восьмистах сорока долларах, которые я копила на ремонт, храня в меховой шапке на верхней полке шкафа. Я представила, как они ошметками разлетаются по комнате (мысль об ошметках собственных почему-то волновала меня куда меньше), и поспешно сцепила пальцы.

– Ну... наверное. Вообще-то у меня нет знакомых наркоманов.

– Как я вам завидую, – фальшиво улыбнулся оперативник. – А я вот часто имел... имею с ними дело, пренеприятные типы. Но доза хотя бы на короткий срок делает их безопасными для общества, в то время как друзьям Топлякова приходится сидеть на mine круглосуточно. Он, не задумываясь, убьет и вас – если вы повысите на него голос, замахнетесь или просто неожиданно подойдете со спины, дотронетесь...

Допрос принимал какой-то странный оборот. Появилось гадкое чувство, что меня пытаются загипнотизировать, сквозь доверительный тон собеседника прорывались издевательские нотки.

– Ой, зачем вы меня так пугаете?! – пролепетала я, прячась от серьезного разговора за образом хрупкой глупенькой блондинки. – Вы думаете, он захочет мне отомстить и придет сюда?! Какой ужас...

– Что вы, Елена Викторовна, не пугаю – предупреждаю! Как говорится: кто предупрежден, тот... – Наумов зачем-то закрыл блокнот, медленно-медленно, чтобы не шуршать, положил его на диван и потянулся к кобуре. – А сочувствовать таким Топляковым не стоит. Война далеко не всех ломает, она как рентгеновский аппарат: червоточины в людях выявляет. Может, он туда и пошел, чтобы в живых человечков из автомата пострелять...

Мама родная! Оперативник, конечно же, заметил, как я нервничаю и кошусь на шкаф. Наумов уверен, что Саня где-то в квартире, и нарочно его провоцирует! Надеется, что тот сорвется и...

В шкафу чихнули.

Я так ошолбелась от ужаса, что даже зажмуриться не смогла.

– А ну, выходи, сволочь! – Наумов сделал на зеркало охотничью стойку с пистолетом. – Руки вверх, и чтобы я их видел!

Створка медленно, с дребезжанием отъехала в сторону. Прямо за ней, по-турецки скрестив ноги, сидел голый бритоголовый «браток», в синеву расписанный татуировками вроде «не забуду мать родную», грудастой тетки (видимо, той самой матери), пауков, волков и прочего животного мира. Выглядели они так, словно не шибко умелый, но старательный художник намалевал их шариковой ручкой, а потом поплевал и растер.

– Слышь, начальник, – забормотал мужик, послушно поднимая руки, – ты, того, не надо! Давай по-хорошему договоримся – я ж так, чисто в гости! И вообще, она сама предложила...

Наумов выругался и опустил пистолет.

– Ты кто такой?

– Ну... эта... типа сосед... за сахаром зашел.

– Скажи еще, за нафталином! – Оперативник матюгнулся.

Я сидела ни жива, ни мертва. Федька, конечно, изумительно скопировал жильца из квартиры напротив, но вдруг Наумову придет в голову попросить у него документы?! Конечно,

«идуший на дело» любовник вряд ли станет брать их с собой, однако милиционер может предложить ему пройти в «свою» квартиру. Настоящий Ванек (Иван Сергеевич, бизнес-рэкетир, две судимости) в это время обычно прогуливал пса-боксеры – задиристого, дурного, как пробка, и даже внешне чем-то смахивающего на хозяина. Если они столкнутся в коридоре...

– Вали отсюда. – Оперативник указующе ткнул пистолетом и спрятал его в кобуру. – У нас с гражданкой Коробковой серьезный разговор.

– Понял! – Просиявший браток схватил первое, что под руку попало – мой злосчастный пенюар, – под его прикрытием выкарабкался из шкафа, старательно задвинул за собой створку, улепетнул в прихожую и громко хлопнул входной дверью. К счастью, раздосадованный опер больше на него не смотрел – Федька, по обычаю домовых, не мог переступить порога квартиры.

– Так у нас все-таки разговор – или мне тоже вещи на выход собирать? – «Крушение личной жизни» придало мне смелости.

– Разговор, – нехотя признал Наумов, возвращаясь к блокноту и ручке. – Но знайте, Елена Викторовна: если бы не показания вашего начальника – к которым, впрочем, у меня нет особого доверия, – то не я бы к вам, а вы к нам приехали! Ваше учреждение уже давно вызывает у нас подозрения!

– Это какие? – Об истинных функциях Госнежконтроля знал весьма ограниченный круг лиц, для остальных он расшифровывался как Государственный контроль за недвижимостью и жильем, подведомственная Минстройархитектуры контора. Собственно наш отдел якобы занимался охраной памятников старины.

– Да вот такие! – загадочно припугнул оперативник. – Вы там давно работаете?

– Четыре года.

– И на хорошем счету у начальства, верно?

– Пока не выгоняют, – осторожно сказала я.

– И даже стажеров поручают?

– Ну поручали пару раз...

– То есть на вчерашний день опыт работы с ними у вас уже имелся?

От вопроса веяло каким-то подвохом.

– А что?

– Да или нет?

– Ну... да, – рискнула я.

– Тогда почему вы допустили подобное поведение Топлякова?

– А что я могла сделать? – возмутилась я. – На ботинке у него повиснуть?

– А раньше? Свидетели сообщают, что от напавшего на них инспектора сильно пахло алкоголем. Почему вы не доложили начальнику, что ваш напарник пьян?

– Да Серафим Петрович сам это видел! Он мне Са... Александра таким и подсунул!

– То есть вы утверждаете, – оперативник быстро строчил в блокноте, – что ваш начальник знал, что его родственник неадекватен, и тем не менее поручил ему важное задание?

– Самое обычное, – вступилась я за Серафима. Шеф у меня, конечно, тот еще самодур, но человек он хороший, добрый и даже мягкий – вон тетя Маша не только вьет из него веревки, но и плетет из них макраме. – И ничего подобного я не утверждаю. Между прочим, сантехники еще в худшем состоянии по вызовам ходят!

– Но они же гранаты в унитаза не бросают, – здраво заметил Наумов.

Я не нашлась, что на это возразить.

Задав еще с десяток столь же дурацких вопросов (не замечала ли я чего-нибудь странного в поведении самого Серафима Петровича, какой у нас в Госнежхране распорядок дня, что я

могу сказать об уборщице тете Мане) и тщательно законспектировав ответы, Наумов развернул блокнот ко мне.

– Подпишите.

– Зачем? Мы же просто беседовали.

– А вы хотите, чтобы я к вам с ордером пришел?

– Не буду подписывать, – заупрямилась «блондинка», – у меня стресс, мало ли чего я там наговорила! Кстати, дайте почитаю...

Блокнот тут же выскользнул у меня из-под носа.

– Я с вами еще не прощаюсь, – зловеще предупредил оперативник, наконец-то поднимаясь с дивана.

– До свидания, – вежливо сказала я, проводив его до двери (а потом еще в глазок убедившись, что он утопал вниз по лестнице).

Черт знает что. Я потеряла гудящий не то от шишек, не то от мысленной работы лоб. Чего он от меня хотел-то? Не представляю, чем может помочь расследованию эта «беседа».

– Вечно мне с твоими хахалями разбираться, – ворчливо забубнил Федька, серой крысой вспрыгивая на хозяйское плечо. – Ты бы им график составляла, что ли... или встроенный шкаф на четыре створки купила, а то он мне всю спину своими костылями отпинал!

Я вернулась в комнату и сердито хлопнула ладонью по зеркалу:

– Вылезай!

После продолжительной возни в недрах – кажется, там упало что-то еще – створка отодвинулась и из шкафа показались две моли и Саня. Говорящая крыса (Федька продолжал нудно бухтеть мне в ухо, щекочась усами) его определенно впечатлила.

– А... это...

– Домовой.

– Тоже настоящий?

Федька презрительно фыркнул и исчез.

Увы, Саня его примеру не последовал. Напротив: шлепнулся в мое любимое, оно же единственное, кресло, небрежно выкинув оттуда плюшевого зайца.

– Странный какой-то этот мент! – задумчиво изрек он. – И разговор у вас был странный. Хрень какая-то, проще говоря.

– А ты у нас, значит, специалист по ведению допросов, – съязвила я.

– Ну. – Отвернувшись, мужик шмыгнул носом. – Не спец, но... было дело под Аргуном. Попался нам один... я-то на подхвате стоял, а допрос Гестаповец вел... сержант-контрактник, его из ментов за это самое и выперли... злоупотребление служебным, ну и рукоприкладство, само собой. Так он этого чича за полчаса, как орех... расколол и выпотрошил наизнанку... а этот – странный. Лен, ты хоть на корочки его глянула?

– Нет.

– Почему-то я так и думал, – пробормотал Саня. – Не, точно, странный опер... Лен, у тебя курево есть?

Я молча сходил в прихожую и вытащила из сумочки початую пачку «Vogue» с ментолом. Вообще-то я не курю, но в чадающей компании мне приятнее вдыхать свой дым, чем чужой, вот и купила дамские сигареты специально для таких случаев. За полгода всего штук семь развела.

– Ты бы мне еще леденец пососать предложила, – буркнул мужик, но пачку взял. Тонкая сигаретина казалась соломинкой в его пальцах. Сейчас, по крайней мере, он не пытался давить мне на психику, убеждая в своей невинности, словно Дездемона в какой-нибудь авангардной постановке шекспировской пьесы, где в конце концов задушили чахленького Отелло.

Может, он покурит, успокоится и уйдет, а?!

Саня затаился так, что сигарета разом обуглилась на четверть.

– А пожевать чего-нибудь найдется?

Пришлось, скрипя зубами, идти уже на кухню. Я зло распахнула холодильник, осмотрелась. Переводить моего гуся на ЭТО! Ладно, пусть подавится, лишь бы отвязался. Но разогревать не буду, вот еще! Я выгребла с боковых полочек кетчуп, майонез и пару помидоров. Еще там стоял початый пакет мюсли, но мужчины такого, кажется, не едят... Поднос я не нашла, хотя точно знала, что где-то он есть. Пришлось составить все на разделочную доску. Вот поест – и скажу ему, чтобы выметался! Нет, лучше просто уходил, а то мало ли как он отреагирует...

...Когда я вернулась в комнату, Саня спал. Прямо в кресле, свесив руку с дымящейся сигаретой. Я хотела ее вытащить, чтобы не прожег пеплом ковер, но вспомнила слова Наумова и побоялась трогать психа. Вместо этого тихонечко подставила под окурок блюдце и пошла в ванную бессильно ругаться под шум воды.

Глава 3

*Надо признать, от мужчин тоже порой бывает польза.
К сожалению, больше трех минут эта пора длится редко.*
Л.

Дуракам везет, а вот я умным уродился.
С.

#

– Под ноги смотреть, епить ваиу! Жить надоело?!

Голос взводного доносился как сквозь вату. Мы вышли на рассвете, а теперь солнце в зените, хренова небесная сковородка, хоть бы каким облачком ее прикрыло! Из-под каски прям ручьи текут, броник раскалился, а на правом плече – автомат, а на левом – «шмель». Не, парни, я сдохну, ей-же-ей, это просто пушиной зверек, еще пару шагов – и сдохну.

Я сорвал с пояса флягу, раза два жадно глотнул – апельсиновый сок, правда, вкус у него был какой-то странный, ну да хляве в зубы не смотрят.

– Лысый, куда отстал?!

Сержант-пулеметчик пробормотал в ответ что-то матерное, но шагу прибавил.

Знать бы, сколько еще идти? Но карты нет даже у Паши, он ведь не офицер, а «и.о.» из контрактников. Впрочем, дело Паша знает, в отличие от своего предшественника, летехи из «пиджаков». Тот как штатским лохом был, так и остался...

Мы шли вверх по склону горы, настоящая «зеленка» осталась внизу, а здесь был лишь какой-то паршивый кустарник... и тут впереди грохнуло.

– А-а, б...!

– К бою!

Я рванулся вперед – и едва не споткнулся о Севку Клевцова. Он лежал на спине, бушлат на левом плече изодран и весь потемнел. Черт-черт-черт... так, сначала промедол, потом...

– Санек... – на губах раненого светло-красная пена, з-зараза, неужели легкое задето? – Не было ведь растяжки...

– Заткнись, придурок! – Я рванул зубами обертку индпакета.

– Я же смотрел...

Вокруг – и впереди – уже вовсю лаяли автоматы. Глухо хлопнул разрыв – послабее, чем первый, видать, подствольник. «Духи» засели выше по склону, их было несколько десятков... пулеметная очередь разлохматила куст рядом со мной, только листья брызнули... глухо прокашлял «шмель», и пулемет замолчал.

– ...не было...

Жгут я затянул как можно выше. Затем ножом вспорол бушлат на боку, где стремительно расплзлось еще одно темное пятно, и едва не взвыл, увидев, что натворил здесь осколок. Вот гадство-то... и хлещет почему зря. Да где же эта артерия?!

– Как он!?

Я не успел заметить, как Паша оказался рядом с нами.

– Хреново.

– Вижу... дыру залепил?

– Черта с два там залепишь... я пережать пытаюсь.

– Давай, держи, – кивнул Паши и, отвернувшись, заорал в рацию: – Ну где вы там?! А?! Какие, на хрен, «дыни»? Что значит: «огурцы» не добивают?! А?! Да мне по хрену, что батарею не передвинули! У меня уже два «трехсотых»! А?! Когда, етить?! Когда нас всех тут положат на х...?!

– Санек...

Я не отвечал – я давил изо всех сил, но все равно кровь упругими толчками выбивалась из-под пальцев.

– Слышь... мой... заberi... потом.

Правой рукой Севка потянулся к шее. Схватился за инуток, начал его вытягивать – медленно, по сантиметру.

– Да не дергайся ты! – рывкнул я.

– Заberi... пусть будет... память...

– Пошел ты...

Земля под коленями ощутимо содрогнулась. Я поднял голову – и увидел, как выше по склону один за другим вымахивают дымно-бурые фонтаны.

А потом вдруг понял, что больше не чувствую горячих толчков под ладонью.

И заорал!

– Ты чего?!

Видок у Леночки был еще тот: бледная, глаза на пол-лица. Впрочем, если наяву я орал хотя бы вполголоса, как мне снилось... удивительно, как у нее волосы дыбом не встали. За окном уже горели фонари, спина затекла, башка была чугунная, но спать больше не хотелось.

– Извини, – буркнул я, украдкой косясь на правую ладонь. Угу, холодное, липкое – только не кровь, а всего-навсего пот. – Сон... приснился.

– Ты, – испуг Леночки быстро сменился злостью, – таблетки пить не пробовал? Говорят, некоторым помогает.

– Угу, – мрачно кивнул я. – А еще можно поселиться в доме, где хорошая звукоизоляция и мягкие стены, Тоже, говорят... помогает.

– Охотно верю, – произнесла Леночка тоном, явно намекавшим, что помянутый дом, по ее мнению, будет вполне подходящим жилищем для некоего Сани Топлякова.

– Душ у тебя где?

– Рядом с туалетом. Полотенце для гостей на сушилке, мыло бери любое, но если посмеешь тронуть мою зубную щетку, то...

– То что?

– Сильно пожалеешь.

Это сказала не Леночка. Подпрыгнув чуть ли не до потолка, я обернулся и увидел в углу огромного серого... кота.

– Ч-ч-ч-ч...

– Так его, Федька! – мстительно пискнула Леночка.

Пару секунд я лихорадочно прикидывал: крыша уехала совсем, или я попросту еще не проснулся. Вариант номер один был куда более правдоподобным... но тут котят превратился в татуированного братка, и я наконец вспомнил.

– А-а... тьфу ты... крыса говорящая! Ну блин...

– Сам ты крыс, да?!

Обиженный домовый сменил облик братка на нечто бородатое, горбоносое, в натовской камуфле и зеленой бандане... в следующий миг я уже лежал на полу, а еще через миг в чича летело первое, что подвернулось под руку, – блюдо. Повезло – сервант оказался чуть левее.

– Ну точно – больной! – резюмировал домовой, вновь обернувшись котярой. – Прав был опер. Эх, жаль, не сдали мы тебя...

– Дурак ты, Федор, – вздохнул я и принялся осторожно, по частям отлеплять себя от ковра. – И шутики у тебя дурацкие.

Домовой пренебрежительно махнул хвостом.

Леночка в наш диалог предпочла не вмешиваться. На всякий случай я оставил дверь в ванную приоткрытой, но, как ни старался, ничего членораздельного разобрать сквозь плеск воды так и не удалось: хозяева квартиры переругивались тихим злым шепотом. Затем ругань прекратилась – как я понял, со счетом один-один в пользу Леночки, потому что поле боя осталось именно за ней, разобитый же Федька удалился на кухню, где принялся нарочито громко звенеть посудой в мойке и греметь дверцами.

Вернувшись, я обнаружил, что кроме домового из комнаты исчезли осколки блюда. Зато на столике перед креслом обнаружилась еда: шмат распрозверски, до судорог челюстей, аппетитно пахнущего жареного мяса, сожрать которое хотелось из одного лишь инстинкта самосохранения – чтобы слюнями не захлебнуться. Захлебываться мне не хотелось, а вот есть – как раз наоборот.

– Жапить есть чем?

– Водки в этом доме нет ни капли! – Леночка, скрестив на груди руки, наблюдала за мной из угла. – Ненавижу спиртное... и тех, кто его употребляет.

Врет, почему-то решил я, вгрызаясь в ножку, – кажется, это была гусятина. Не может быть, чтобы в квартире даже ликерчика какого-нибудь не отыскалось.

Сейчас, впрочем, это было неважно: голова мне требовалась в рабочем состоянии.

– «Запить» и «водка» – это не тождественные понятия. По крайней мере, для меня.

Леночка удивленно моргнула. Видимо, «тождественные понятия» настолько не совпали с уже сложившимся у нее образом Сани Топлякова, что полученного шока хватило на поход до кухни и возвращение со стаканом яблочного сока.

– Подойдет?

– Гу, спасибо, – прочавкал я. – В новстях шо нов грили?

– Ничего нового, – отрезала Леночка и тут же с любопытством спросила: – А у тебя действительно медаль есть?

– Угу, – кивнул я. – Валяется где-то у тетки. В госпитале под раздачу слонов попал... Замком группировки приперся – с кучей журналог, само собой, заботу о раненых героях демонстрировать. Ну и мне досталось... «Станислав с мечами», на, и отвяжись...

В орденах царских времен блондинка «фишку не рубила», и моя попытка сострить осталась неоцененной.

– Еда как? – сухо поинтересовалась она минутой позже.

– Оч вкусно!

– Федьке спасибо скажешь. – Леночка пожала плечами. Ну и зачем тогда было спрашивать? – Когда будешь мимо кухни на выход маршировать.

Ах вот, значит, как!

Тяжело вздохнув – правда, вздох едва не перешел в отрывку, – я положил недогрызенную кость на тарелку.

– Выгоняешь, значит.

– Выгоняю! – с вызовом подтвердила Леночка.

– А я-то надеялся, ты роль Бабы-яги до конца доиграешь.

– То есть? – не поняла она.

– Ну я же вроде как в сказку попал, – мотнув головой в сторону кухни, откуда продолжал доноситься звон посуды, криво усмехнулся я. – Как там у классика: домовые, лешие, души

забубенные... А в сказках Баба-яга всегда Ивана-царевича кормит, поит, в баньке парит, спать укладывает, а потом еще на вопросы отвечает и меч-кладенец в котомку сует.

– Царевич из тебя, как из... – Леночка замялась, подыскивая достойный эпитет, – как из...

– Как из мышьяка приправа! – донеслось с кухни.

– И потом, – выставив перед собой руку, Леночка принялась загибать пальцы. – Я выпастыся тебе дала, в ванну пустила, еду-питье поставила... программа-минимум налицо! Может, хватит с меня на сегодня добрых дел?!

– Лен, послушай...

– Короче, – блондинка сверкнула глазами, как изображающий коршуна воробей, – или ты выметаешься по-хорошему, или...

– Два слова сказать можно? – негромко спросил я.

– Два – можно. Но не три!

– Я не убивал того мужика.

– Это я уже слышала утром. Придумай что-нибудь поновее.

– Лена...

– Елена Викторовна!

– Лена-Елена... – Спокойно, Саня, только без нервов, злость сейчас тебе меньше всего нужна в качестве советчика. – Давай вместе подумаем.

– Давай не будем... вместе. Давай ты просто встанешь, оденешься и уйдешь!

Конструктивный диалог у нас определенно не налаживался.

– Блин, дай мне сказать... спокойно! – не выдержал я. – Два слова... если я не убивал... Ты мне не веришь, ладно, фиг с тобой, предположи просто: если не я, то кто?!

– Кто угодно, – фыркнула блондинка. – Любой из ролевиков... ну, практически любой, – поправила она. – Или случайно оказавшийся в лесу маньяк. Или тролль. Или конь в пальто. Доволен?

– А что, тролли тоже реально существуют?

– Понятия не имею, – досадливо отмахнулась Леночка. – Может, и существуют где-нибудь в Скандинавии, откуда-то ведь легенды пошли. Но в наших архивах подобная разновидность нежити не фиксировалась.

– Кстати, – этот вопрос занозой сидел во мне со вчерашнего вечера, – почему нежитью занимается какая-то задрипанная госконтора с десятком сотрудников, а не КГБ или армия?!

– Э-э-э... очень не хочется тебя разочаровывать, но... потому что никому эта нежить на фиг не нужна. Уж слишком непредсказуема и капризна, чтобы на нее полагаться. – Голос у Леночки стал размеренный и чуток нудноватый – наверное, не раз уже это новичкам втирала. – Сотрудничать с людьми она соглашается, только если это приносит ей какую-то выгоду, упрасивать и приказывать бесполезно. Вспомни сказки и старинные заговоры: нежить можно обмануть, на время запереть, изгнать из дома или человека, но не убить. Так что доставить ей неприятности мы можем, но не такие серьезные, чтобы заставить повиноваться. А ждать нежить умеет, может даже через сто лет вернуться и отомстить – не обидчику, так потомкам. Вот и приходится договариваться полюбовно: мы вас не трогаем, а вы к нам не лезете.

– А исследовать ее на предмет получения... чего-нибудь?

– Тут тоже все не так просто. На данном этапе развития науки это невозможно. Ни один прибор не может определить природу их способностей и уж тем более воспроизвести. Это... стыдно признаться, магия. Она просто есть, и все. Человеческим – в смысле, известным нам – законам и силам она не подчиняется.

– Ну а как же колдуны всякие, ведьмы?

– Угу, ты еще шаманов вспомни, – презрительно предложила блондинка. – За все время изучения паранормальных явлений не было выявлено ни одного достоверного случая маги-

ческих способностей у человека. Даже в 90-е годы, расцвет всяких там экстрасенсов вроде Кашпировского. Гипноз – да, порча – туда-сюда, зависит от объекта, предвидение – сколько угодно, но это совсем другое, односторонняя связь: повлиять на события ты никак не можешь. Так что до магии мы пока не доросли, инопланетные технологии и то более перспективны.

Ё-моё-о-о...

– Что, и ЭТИ, – я ткнул пальцем в потолок, – тоже существуют?

– Понятия не имею, – с той же брезгливой интонацией повторила Леночка. Разговор, и раньше не шибко дружеский, заметно ей надоел. – По крайней мере, меня к ним с инспекцией посадочных площадок и замером тарелочных выхлопов не посылали. Но мало ли у нас в стране задрипанных контор...

– И кто в госверхушке вас финансирует?

– Ну... много кто. Тот же КГБ, экологи, церковь...

– Чего?!

– А ты представляешь, что начнется, если люди узнают: лешие есть и водяные, и домовые, и черт знает что еще, – но при этом чхали они на этот достойный институт? Куча народу в язычество ударится, как после перестройки – в православие.

– Ясно, – убито кивнул я, хотя на самом деле все стало лишь намного запутанней.

– Ты поел? – агрессивно напомнила блондинка.

Учитывая, что на тарелке остались лишь кости, вопрос был то ли риторический, то ли издевательский.

– Угу.

– Тогда одевайся, забирай свой рюкзак и выметайся! – решительно скомандовала фифа.

– Ну и куда я ночью пойду?

– А вот это, – на миг голос Леночки дрогнул, но затем вновь набрал стали в обертоны, – не мои проблемы! Куда хочешь, туда и вали. Хоть обратно в Россию!

– Ну хорошо. – Встав, я прошлепал в ванную... и тут же из нее вылетел. – Эй, а вещички-то мои где?

– В стирке, – донеслось из-за кухонной двери.

– Чё-о? – Я ошарашенно уставился на стиральную машину, ласково помигивающую мне числом 53. Пока я возвращал отвисшую челюсть на место, число сменилось на 52.

– Федь, в самом деле, ты чего? – удивленно спросила Леночка. – Нашел на кого порошок переводить.

– По привычке, – опустив мордочку, смущенно пробормотал домовый.

– Эй, а карманы...

– Кошелек на подоконнике, мобилка заряжается, – Федька махнул лапкой в сторону табуретки у стены. – Она там чего-то странное мигает...

– Она мигает, что я сим-карточку сломал, – сказал я. – Чтобы не сигналила кому не надо. Надо будет другую где-нить раздобыть...

– А-а, – пискнул домовый и, развернувшись к хозяйке, затараторил: – Лен, да ты не волнуйся, оно сейчас постирается, а я утюжком за десять минут просушу...

– Нет уж! – выдохнула девушка. – Еще час его терпеть я не согласная!

– А я не согласный в одном полотенце уходить.

– Значит, голышом вылетишь! – угрожающе прошипела фифа.

– Второй голый мужик за день? – хмыкнул я. – Что соседи-то подумают.

Леночка скрипнула зубами.

– Так, – процедила она, – в шкафу справа, три нижние полки... я туда тряпки своего бывшего свалила. Выбираешь, надеваешь и убираешься наконец-то из моего дома! – На последних словах она едва не сорвалась на визг.

Разжиться новой одеждой – в моем нынешнем положении – это было, что называется, предложение, от которого нельзя отказаться. Правда, Леночкин бывший, похоже, был чуть ниже меня ростом и малость пошире, но разница была не настолько явной, чтобы с первого взгляда классифицировать мой новый костюм как одежду с чужого плеча.

Провожать меня фифа не стала – в прихожую вышел только Федька. Некоторое время он молча глядел, как я шнурую ботинки, а затем шагнул вперед.

– Вот, – негромко произнес он, кладя на пол мой кошелек и телефон. – Лена сказала, чтобы я карточку Яны вставил, – это хозяйкина подруга из Германии, она в Минске наездами, раз в полгода бывает...

– Ну... – выпрямившись, я глянул в зеркало. Рожа... Та еще рожа: небритый, прическа – две коровы с разных сторон лизали... Ладно, сойдет. – Передай, – я повысил голос, – Елене Викторовне мое глубочайшее спасибо... за все хорошее.

– Скатертью дорога! – донеслось в ответ из комнаты.

#

Избавившись от Сани, я чуть не разрыдалась от счастья. Поскорее распахнула оба окна, выгоняя сигаретный дым, обежала квартиру, чтобы убедиться: да, я наконец-то одна! В ванне еще стоял пар до потолка, под резиновым ковриком хлюпало, зеркало запотело. Резко, неправильно пахло парфюмом. Я постояла, подумала и гнусно захихикала: Саня вымыл голову грейпфрутовым гелем для борьбы с целлюлитом, цапнув с полочки первый попавшийся флакон. Хорошо еще, что мимо крема-депилятора промахнулся.

Впрочем, разгладить пару-тройку лишних извилин ему не помешает.

Я сорвала с вешалки мокрое полотенце и брезгливо бросила его в бачок для грязного белья. Просидеть весь день на диване с книжкой – то еще удовольствие. То есть я, конечно, люблю читать – но не вздрагивая от каждого шевеления спящего Сани, боясь лишний раз прокрасться мимо него на кухню или в туалет!

И я никогда раньше не слышала, чтобы человек так вопил. Словно его заживо резали...

После проветривания в комнате стало холодно и как-то жутковато. Не помог даже включенный телевизор.

– Федь, ты где?

В углу фыркнуло, мазнуло стену тенью, но домовой так и не появился. На лекцию о бесполезной нежиге, что ли, обиделся? Так исключения только подтверждают правила! И ведь не выманишь его теперь: чем больше подлизываться будешь, тем дольше кочевряжиться станет. Придется ждать, пока сам на мировую не пойдет.

Я покрутила массивное кольцо на среднем пальце. Серебро почернело от времени, но почистить его как будто означало стереть память о бабушке, от которой оно мне досталось. Ничего, и так красивое, старинное, с вычурной чеканкой, почти целиком закрывающее фалангу. Очень удобно тереть, когда нервничаешь или размышляешь.

Вообще-то у меня есть три проверенных средства от плохого настроения: с ветерком погонять на верном «гольфике», пройтись по магазинам или съесть плитку молочного шоколада. В данный момент мне требовалась ударная доза антидепрессанта, поэтому я быстренько натянула джинсы и водолазку, спустилась к машине и помчалась в гипермаркет – самый дальний, за кольцевой дорогой.

Шел уже десятый час, в угольном небе клубились буроватые тучи, но я любила ездить в темноте, особенно по пустынным дорогам. Как будто по дикому лесу с фарами-глазами встречных хищников. Я даже не поленилась сделать крюк, чтобы прокатиться через частный сектор. Как все-таки приятно быть блондинкой: не надо думать о какой-то там подвеске, которая якобы разболтается от прыжков по колдобинам, и дергаться от каждого чиха мотора.

Машина для того и создана, чтобы ездить там, где ноги спотыкаются! Не понимаю, почему большинство мужчин делают из нее какое-то божество, которому истово поклоняются и приносят жертвы запчастями, а если бы могли, то вообще поселили бы в супружеской спальне, выгнав жену на коврик в прихожей. Причем чем капризнее, уродливее и ржавее развалюха, тем больше ей почета. С женами, увы, все наоборот...

На огромной площади перед гипермаркетом было пустынно, только блестели в свете фар брошенные коляски, которые приходилось объезжать, как столбики на автодроме. Я подъехала к самому входу, встроившись в жиденький рядок машин таких же полуночников. Заглушила мотор и наконец заметила, как подпрыгивает и мигает на соседнем сиденье мобильник в режиме вибрации.

Я долго смотрела на определившийся номер. Потом все-таки нажала кнопку.

– Да, Серафим Петрович?

– Леночка... – Голос у начальника был непривычно бесцветный.

– Что-то случилось, Серафим Петрович? – Я обругала себя последней идиоткой. – В смысле, что-то еще?

– Да куда там «еще», – невесело хмыкнул шеф. – Ты уж прости меня, старого дурака... не думал, не гадал, что такая ерунда выйдет...

– Ничего, все нормально, – через силу соврала я. Похоже, Серафиму и без моих истерик крепко досталось – вдруг он там уже вторую упаковку валидола доедает?! Ходи потом к нему на кладбище с венками... – А вы там как?

– Маша очень волнуется, – помявшись, признался шеф. – Ты не думай, Саня – он хороший...

Расслышав мое скептическое сопение, Серафим поспешно добавил:

– Я понимаю – у тебя-то не было возможности узнать его поближе...

Я чуть не ляпнула, что сегодня у меня этой возможности было хоть отбавляй, но в последний момент прикусила язык – Санина паранойя насчет телефонов оказалась заразной.

– На самом деле, – продолжал тем временем шеф, – он действительно неплохой парень. Просто невезучий. Матери лишился еще при рождении... а едва семнадцать стукнуло, так еще и без отца остался. Маша его тогда к себе забрала... он здесь школу закончил, в университет поступил, на истфак...

– А как же он тогда в Чечню угодил? – не поняла я.

– По глупости, – печально вздохнул Серафим Петрович – На третьем уже курсе был... сошелся с какой-то девушкой... Ну ты же понимаешь: молодо-зелено, любовь-морковь, ветер в голове, долгие прогулки при луне и серенады под окном...

Рассказывает, будто старушечки какой-то, обиженно подумала я. Словно у меня эти «молодо-зелено» и ветер в голове уже далеко позади.

– ...в общем, завалил сессию. Можно было бы поправить, академ взять, еще как-нибудь, но характер... Бросил все, уехал в Россию – «определиться с судьбой», а там – повестка. Так и определился...

– Да уж, повезло, – неискренне поддакнула я. – То есть я хотела сказать, не повезло.

– А девушка та ему даже одного письма не написала. – Шеф снова вздохнул. – Он у Маши просил узнать, думал, случилось что-то. Ну Маша позвонила, а та... вся из себя в удивлении: мол, и думать уже о нем забыла. – Серафим Петрович вздохнул в третий раз. – Так вот. Ему и в школе...

– Серафим Петрович, хотите, я в понедельник пораньше на работу приеду, и поговорим? – перебила я. Мне сейчас для полного катарсиса только трагической повести о Санином детстве не хватало!

– Не приедешь, Лен.

Теперь уже мне захотелось валидольчика.

– Я что, уволена?!

– Нет. – Шеф натужно сглотнул и пояснил: – Я. А контору прикрыли до выяснения обстоятельств. Вот такие пироги...

И сбросил звонок.

Я еще немного посидела с трубкой возле уха, тупо глядя на покачивающийся перед стеклом дезодорант-елочку. А ведь Серафиму всего три года до пенсии по выслуге оставалось, он грозился тут же дачу купить и закопаться в нее на зависть всем кротам...

Нет, срочно в магазин!

Внутри было жарко и малоллюдно, у касс стояло всего по два-три человека. Из невидимых динамиков доносилась заунывная электронная музыка, от звуков которой даже привидение в тоске повесилось бы на люстре. Видимо, таким нехитрым способом персонал выпроваживал из торгового зала поздних покупателей – гипермаркет работал до последнего клиента, и ожидать его исхода до рассвета никому не хотелось.

Стараясь не обращать на музыку внимания, я побрела вдоль стеллажей. Так, Федька вроде говорил, что мука закончилась... и вон какие-то новые мюсли появились, надо попробовать, тем более что от домашнего я завтрака вряд ли дожусь, а гуся ЭТОТ сожрал, и куда только поместилось, худой ведь, как оглобля...

Нет, ну неужели он действительно думал, что я стану ему помогать? Каким образом, спрашивается? Вообще-то могла бы и спросить, конечно...

Молоденькая девушка в кепке и переднике обслуги выложила на полку новую партию макарон, но не успела отойти и трех шагов, как хрустящие пакеты один за другим посыпались на пол.

– Опять! – чуть не заплакала девушка, возвращаясь и нагибаясь. Сверху на нее тут же ухнула еще одна упаковка.

Продолжая рассматривать ценники, я на ощупь достала «корку» и показала непокорным макаронам.

В пакетах виновато пискнуло, и осыпь прекратилась.

Тетя Маша, видите ли, волнуется... мне-то что с того? Нормальные люди только радуются, когда у начальства проблемы...

Я задержалась перед огромным мутным аквариумом с живой рыбой. За прилавком отдела маялась скучающая продавщица, бдя, не попытается ли кто выловить товар голыми руками и за пазухой вынести мимо кассы. Я рассеянно постучала по стеклу ногтем. «Еще и издевается!» – с немым укором уставился на меня «карп отборный, 3,500».

Может, Саня действительно не виноват? Меня ж не убил... «Тоже мне, аргумент!» – обозлилась я на себя. «Просто так» ничего не бывает, если бы он прилично себя вел, никто бы его сейчас не ис...

Возле уха что-то негромко свистнуло, и в стенке аквариума появилась маленькая дырочка. Которая в мгновение ока обросла частой сетью трещин, и огромная, на несколько сот литров посуда словно взорвалась изнутри. Крошево стекла и воды пенным фонтаном хлынуло на пол. Продавщица с визгом закрылась руками, но поскольку стояла она в каком-то полуметре от аквариума, помогло это мало. Мне повезло больше – буквально за секунду до аварии я попятилась, пропуская толстую напористую тетку, так что окатило только туфли и обрызгало джинсы. Зато тетке моя вежливость вышла боком...

По залу разбежалась круговая волна, карпы воспарили на ней подобно серфингистам и со стуком заскакали по полу на тридцать метров окрест. «Лыпка, лыпка!» – радостно завопил двухлетний ребенок, подпрыгивая на сиденье покупательской коляски-паровозика. Мамаша его восторга не разделяла, парходик смотрелся бы тут уместнее.

К луже со всех сторон спешили охранники, продавцы и уборщики. Рыба докувыркалась уже до касс, и оттуда доносились удивленные возгласы (вовремя заметивших) и ругань (сначала наступивших).

Я быстренько ретировалась в соседний ряд – не дай бог, решат, что это я так удачно тюкнула по какой-то критической точке! – и углубилась в отдел женской одежды. Нервно покопалась в контейнере со скидочными маечками... и тут только до меня дошло, ЧТО это было.

Попятавшись к примерочной кабинке, я задернула плотную шторку, села на корточки (может, вообще лечь – вдруг в следующий раз из пулемета пройдутся?!) и трясущимися руками раскрыла мобильник. Как же позвонить с него 02?! Код города надо набирать или просто две цифры? А может, для мобильных телефонов у милиции есть специальный номер? Я попробовала и так, и эдак – не соединили. Ах, черт, это просто сеть пропала, в гипер вообще связь плохая. Поводив мобилкой по кабинке, я словила минимальный «квадратик», но тыкаться в кнопки уже не стала: первый шок прошел, и я начала рассуждать более-менее здраво. Ну хорошо, и что я им скажу? Точнее, что они мне скажут? «Гражданка, прекратите истерику, обратитесь к охране гипермаркета или приезжайте к нам в участок»? Ага, тут же по всему магазину камеры развешены! Никто в здравом уме не решится здесь на преступление – не согласовав его с теми, кто сидит за пультом. А «к нам» еще доехать надо! Фильмы ужасов, где героиня испуганно цокает каблучками по безлюдной парковке, а за ней по стене крадется черная зловещая тень с кривым ножом, живо перестали казаться мне такими уж дурацкими.

Я лихорадочно пролистала телефонную книгу. Родители отпадают сразу, Вадима давно пора отсюда стереть, Вера за мной на другой конец города точно не поедет, хоть и клялась в вечной дружбе, Олег в командировке, Надька в декрете... я устала на последнюю строчку. А почему бы и нет?! Учítывая, что все неприятности начались именно с его появления...

Вызов пошел, на экране замигала мультипликационная антенна. Хоть бы он опять не отключил телефон!

– Але?

– Са-а-ань, – провыла я под аккомпанемент зубов, – в меня стреляли!

На том конце так долго молчали, что я не на шутку испугалась – не услышать бы в ответ гудки.

– Ты где? – наконец спросил мужик. В трубке потрескивало, доносились обрывки голосов и музыки.

– В гипермаркете у Мирошниченко... в примерочной кабинке возле женского отдела...

– Стой там. Щас буду. – Саня дал отбой.

#

Всю глубину сотворенного мной идиотизма я начал осознавать лишь на остановке.

Не, ну, в самом деле – нашел, к кому сунуться... контуженный! А ведь если б утром чуток пошевелил мозгой, мог бы сообразить, что Леночка не простой свидетель, а ключевой, и бумажкой «явиться для дачи показаний» не отделается. Блин, приди тот опер на пять минут раньше, мы б с ним у подъезда нос к носу столкнулись.

А еще – если, опять же, подумать – удивительно, что Лена меня не сдала с потрохами. Не друг, не брат, не сват – сослуживец без году неделя, вдобавок разыскиваемый убивец. Другая небось весь мировой антитеррор вызвонила б, пока я у нее в кресле дрых.

Ну да ладно. Повезло дураку второй раз, конкретно так повезло – но дальше на везение уповать не стоит. Дальше надо действовать по-умному.

Вариантов же дальнейших действий лично я видел аж три штуки.

Первый был самым легким – добровольно явиться в ментовку и понадеяться, что хоть и неродная для меня, но все равно доблестная белорусская милиция поверит в мою невиновность и «дружным кагалом», как любил говорить сержант Тележкин, бросится на розыски настоящего убийцы. На данный момент путь этот мне категорически не нравился: я, может, местами и дурак, но не идиот. А поверить в то, что менты будут чего-то там копать, уже имея такого роскошного подозреваемого... не, ребята. Фантастика в соседнем отделе – а здесь у нас жизненная трагедия... пополам с народными белорусскими сказками, блин.

Вариант второй – малость посложнее первого. Плюнуть на все и слинять. Границы между Россией и Беларусью, считай, нет, а искать меня... ну, может, и будут, но фиг ли толку с тех поисков? Зайдет Саня Топляков в ростовский госпиталь,¹ а выйдет... ну, кто из детдомовцев у них на леднике подходящий будет, тот и выйдет. И – на контракт, а там уже война все спишет.

Этот путь был тоже прост, но нравился мне ничуть не больше первого. Отступить здесь и сейчас, а потом всю оставшуюся жизнь в бегах, в чужой шкуре? Не-е-е... лучше уж один раз помереть, чем так вот – каждую секунду.

Ну а третий, последний вариант – остаться здесь и самому докопаться до истины. Недостаток его был в том, что меня зовут не Шварценеггер и даже не Брюс Уиллис... да и Минск мало похож на Голливуд. А в реальной жизни, как я уже успел понять, те, кто решает поиграть в героев, живут оч-чень недолго – так было на войне, так будет и здесь.

Окончательно я пока ничего не надумал. Вернее, надумал, что сейчас мне по-любому надо закопаться в нору, благо таковая имелаась в наличии. Отсидеться там денек-другой, пока у охотников не пройдет первый, самый яростный азарт, а дальше... дальше будет видно.

К этому выводу я пришел, уже сев, точнее, втиснувшись в автобус. Несмотря на выходной день и поздний час – или как раз поэтому, – народу в нем было много. Оно и к лучшему: больше будут думать, как бы вдох сделать, а не к морде соседа приглядываться.

Правда, остановки через четыре, когда у меня в кармане задергался мобильник, я обнаружил, что вытаскивать его в тесноте тоже не ахти как удобно, и мысленно помянул друзей-знакомых Леночкиной подруги, упорно пытающихся дозвониться ей на минский номер.

– Але?

– Са-а-ань, – жалобно всхлипнула трубка, – в меня стре-е-е-еляли!

Ну здрасте. Приехали.

Кому и зачем нужно было палить в фифу, я вообразить не мог при всем желании. Прима-нить меня таким способом? Но я ведь полчаса как вышел из ее квартиры, а шторы у Леночки – так, одно название, для хорошей оптики их, считай, нет... и что это за шум на заднем фоне?

– Ты вообще где?

Девушка ответила. Судя по ее голосу, дурацкой шуткой звонок не был.

Час от часу не легче. Устраивать покушение там, где постоянно толпа народу и тьма камер слежения? Хрень какая-то...

– Стой там, – скомандовал я. – Щас буду.

#

«Щас» растянулось на сорок семь минут. Уходить далеко от кабинки я боялась, без-вылазно сидеть в ней было подозрительно. К тому моменту как из-за пирамиды памперсов вынырнул Саня, я успела перемерить все имеющиеся в продаже куртки, от тридцать восьмого до шестидесятого размера включительно. Продавщицы смотрели *странно* и пару раз подхо-дили с вопросом: «Вам что-нибудь посоветовать?» Но спрашивать, имеются ли у них на складе

¹ В Ростове-на-Дону находится окружной военно-клинический госпиталь Северо-Кавказского военного округа, в который обычно доставляются раненые из группировки федеральных сил в Чечне. – Здесь и далее примеч. авт.

бронежилеты, я постеснялась. Девушки натянуто улыбались и кивали, продолжая крутиться поблизости.

– Ну чё тут у тебя случилось?

По телефону и на расстоянии Саня нравился мне как-то гораздо больше. Или не нравился гораздо меньше, но отступать было поздно. Я робко взялась за его протянутую руку и на ходу, трагическим шепотом, принялась ябедничать на специализирующегося по Леночкам киллера. Продавщицы смотрели нам вслед с неописуемым облегчением.

В зале уже навели порядок – воду вытерли, стекло подмели, карпов переловили. В рыбном отделе никого не было, свет в витринах потушен. Черный скелет аквариума имел скорбный, издалека бросающийся в глаза вид.

– Тут? – коротко поинтересовался мужик.

– Да, я стояла вон там, у края стеллажа, а потом меня толкнули, я отступила, вдруг как свистнуло – и в стекле появилась дырочка. Вот такая. – Я сложила пальцы колечком и показала.

– А пулю не успела рассмотреть? – Саню моя импульсивная жестикуляция только позабавила.

– Тебе смешно, – обиделась я, – а меня чуть не убили!

– Нашла чем хвастаться... Пошли на кассу, – велел он, подбрасывая ко мне в корзинку бутылку с холодным чаем «Nestle».

– Да ну ее, давай все бросим, выйдем через вертушку! – Мне было уже не до покупок, выбраться бы поскорее из магазина.

– Там охранник стоит, а у них профессиональная память на лица. Он мог меня по ящику видеть.

Я только сейчас сообразила, как рисковал Саня, согласившись за мной приехать. К тому же тогда он еще не знал, что именно произошло, – ведь после выстрела здесь вполне могла кишеть милиция.

– Сань... – пристыженно начала я.

– Леночка! Какая встреча! Что ты тут де...

– Когда ж ты оставишь меня в покое, в конце-то концов?! – Вот уж по кому я совершенно не скучала! В гипермаркете Вадим чувствовал себя куда увереннее, чем с глазу на глаз с «конкурентом». К тому же в руке он сжимал почти пустую бутылку с джин-тоником.

– И от кого я это слышу?! – патетически возопил бывший, выставя бутылку вперед, как крест животворящий. – Неблагодарная женщина, я ведь тебя на руках носил! Пылинки сдувал! А ты уже через полгода после нашего расставания приволокла в квартиру какого-то... – Вадим присмотрелся. – Погоди... Это ж другой мужик! А тот где?!

– Я его убил, – хмуро сказал Саня. – И съел. Из ревности. А ты кто такой?

Бывший поймал его взгляд и мигом скис. Даже градус в крови не помог.

– Ну... это... старый друг! Ладно, Леночка, пока, мне пора бежать...

И действительно – как драпанул!

– Кто это был? – удивленно повторил Саня, поворачиваясь ко мне.

– Да так... придурок один. – Я сердито вывалила покупки на ленту транспортера. Мой спаситель (или губитель?!) замолчал, чтобы не привлекать лишнего внимания. Пока я расплачивалась, Саня покидал все в пакет и пошел к выходу, мне пришлось догонять его чуть ли не бегом.

#

Похоже, в Леночку пальнули из пистолета с глушаком. Хотя вполне могло быть и чего-то помощнее, типа ВСС-ки, которую мне как-то дал «на поддержку» омоновец с соседнего блок-

поста. Нет, навряд ли... проходы между стеллажами узкие, даже со сложенным прикладом тут фи́га с два развернешься. То ли дело печаль: развернул коробку с детскими хрустяшками – все, хрен кто сбоку разглядит, чего ты на полке копаешься, а камер наблюдения над ближайшим проходом нет, лишь над соседним одна, и то в другую сторону повернута. И еще: такой вот промах в горизонтали очень похож на «сдергивание» – типичная ошибка неопытного пистолетчика. Сам, помню, парился, обойму за обоймой в «молоко» сажал, пока военрук Степан Палыч, светлая ему память, не выдрессировал.

Забавно было бы взглянуть на пулю, которая почти наверняка осталась где-то на дне, но копать в осколках нам бы никто не позволил, а привлекать внимание местной охраны мне сейчас хотелось меньше всего. А больше всего – убраться подальше... пока безымянный киллер не решил, что в магазине осталось достаточно мало народу для повторной попытки. Глупость, но факт: откуда-то из глубины подсознания у меня все четче вызревало то ли чувство, то ли ощущение, что стрелявший по-прежнему где-то рядом, а на войне я научился своим ощущениям доверять.

Впрочем, из магазина мы выбрались без происшествий, если не считать дурацкого столкновения Леночки с каким-то хмырем – очень может быть, что тем самым, чью одежду я «приватизировал» взамен постиранной домовым. Мужик был неплохо поддат, но мой намек понял и слинял, что называется, «со свистом».

Над стоянкой желтела пара ламп – именно так, потому что уже за три-четыре шага их свет сливался в одно неясное пятно. В общем, такое освещение меня устраивало: сквозь обычный прицел видно уже хреново, а ночной еще в засветках. А вот остальное... С одной стороны в темноте угадывался забор местного рынка. С другой, как мне подсказывала память, раскинулось колхозное поле, за которым начинался лес – и, судя по тотальному отсутствию огоньков с той стороны, память меня не подводила. Если киллер и в самом деле здесь, то к его услугам открытое стрельбище и до фи́га путей отхода, а у нас вся надежда, что пулю ветром снесет.

Обошлось.

– Надеюсь, подложить в машину бомбу они не успели, – как бы между прочим заметил я, первым делом привычно откатывая сиденье назад.

– Кто?! – вскинулась Леночка.

– Они. – Я захлопнул дверцу, скрутил крышку бутылки и многозначительно булькнул чаем. – Темные силы.

Девушка, стиснув зубы, прошипела сквозь них что-то явно нелестное для меня и, выкрутив руль, с места газанула так, что я едва не забрызгал «Нестле» себя и полсалона заодно.

– Ну и куда ты рулишь?

– Как куда? В милицию, разумеется!

– Без меня! – Я взялся за ручку двери, и Леночка, испугавшись, что я выскочу прямо на ходу, затормозила еще резче, чем стартовала. Чай метнулся в другую сторону, но я уже успел прихлопнуть его крышкой.

– Сань, шутки кончились! Меня убить хотели!

– А меня, думаешь, в милиции вежливо попросят в коридоре подождать? – язвительно спросил я. – Пока ты показания давать будешь. А хошь, угадаю, что тебе скажет оперуполномоченный Наумов? «Помните, Елена Викторовна, не далее как сегодня утром я предупреждал вас о возможной угрозе со стороны Топлякова? Похоже, в тот раз вы не восприняли мои слова достаточно серьезно...»

– И что? – продолжала хорохориться Леночка. – Ну не восприняла. Раскаиваюсь и прошу выделить мне охрану!

Я откинулся на подголовник и закрыл глаза.

– Все равно, в милицию тебе ехать поздно. Представь: ой, вы знаете, я тут ходила по гипермаркету, и в меня, кажется, выстрелили, но я потом еще час погуляла и решила все-таки к вам приехать?

– Вот еще, – возмутилась фифа, – ты что, совсем за блондинку меня держишь? Уж найду чего им сказать.

– Ты и есть блондинка, – не открывая глаз, бросил я.

А затем открыл и посмотрел на нее. Внимательно. Так, словно увидел ее в первый раз.

Блондинка, ага. Прежде стянутые в «конский хвост» (вернее, «хвостик») волосы рассыпались по плечам, в прорывах длинной косой челки испуганно поблескивают глаза – какие они там у нее, голубые, что ли? Сейчас не поймешь – зрачки на всю радужку. В черной водолазке, бледная, сжавшаяся в комочек, Леночка казалась еще более миниатюрной и хрупкой.

А ведь если она и старше меня, то на пару лет, не больше.

– Лен, – негромко сказал я, – пойми... по фигу, что ты им скажешь. Начнут проверять твои слова, допросят магазинных, просмотрят записи с камер... и начнут задавать вопросы уже тебе. Про меня. Ты очень жаждешь из свидетельниц в пособницы перекалфицироваться?

– А разве я еще не уже? – затравленно огрызнулась Леночка, переключая скорость и вырывая со стоянки.

– Вот-вот. – Я зевнул. – Так... стоп... а куда мы теперь едем?!

– Ну... домой, – сделала вторую попытку девушка. И снова не угадала.

– Только не домой! – решительно сказал я. – Лен, ау, очнись! Хочешь опять под пулю подставиться?! Киллер, если он не полный идиот, тоже ведь будет считать, что квартира – это единственное место, где ты *гарантированно* появишься вновь!

Машину снова мотнуло взад-вперед. Я отчаялся нормально попить и сунул бутылку обратно в пакет.

– Ты думаешь?!

– Я – думаю! – буркнул я. – В отличие от.

Кажется, до девушки только сейчас начало доходить, что волна неприятностей захлестнула не одного Саню Топлякова, но и некую Елену Викторовну Коробкову. А возможно, и не только их.

Лишь бы не расплакалась, тоскливо подумал я. Ненавижу, когда женщина плачет в моем присутствии: сразу начинаю чувствовать себя жутко виноватым.

Обошлось. Минут пять блондинка молча грызла губу, вглядываясь в ночную темень перед капотом. А затем тряхнула головой и развернулась ко мне.

– Ладно, сдаюсь. Выкладывай свой план!

Я кивнул. Неохотно – план-то у меня был, но последняя его редакция участия Леночки не предусматривала. Ну да ладно.

– Был у меня сокурсник... Миша Гонтарь. Собственно, не был – он и сейчас есть, живет, здравствует и работает на солнечном Кипре, годовой контракт, чики-пики, родителей к себе вызвал. А в Белоруссии у них остались квартира и... – я сделал многозначительную паузу, – загородный дом. Мы там студентами шашлыки жарили, так что дорогу я помню. Сейчас осень, сезон отпусков давно тью-тью, в понедельник дачный поселок выметает подчистую... Короче говоря, для таких мышей, как мы, нора вполне подходящая.

Девушка, неуверенно кивнув-согласившись, взялась за руль и вдруг, повернувшись ко мне, жалобно протянула:

– Са-а-ань... а давай все-таки сначала домой заедем?

Кажется, я начал догадываться, почему ее хотят убить. И занял очередь.

– Зачем?!

– У меня даже куртки нет – я ж думала, что только в магазин и обратно! И в кошельке всего десять тысяч осталось!

М-да, у меня вообще полторы...

– Ладно, – нехотя согласился я. – Заскочим на пять сек.

#

Свет на лестничной площадке традиционно не горел, пришлось искать скважину на ощупь. Я повернула ключ и замерла в нерешительности.

– Слушай, ты не мог бы...

Если кто и подстерегал меня за дверью с занесенным топором, то поспешно выбросился из открытого окна. Саня прошелся по квартире, пиная двери и хлопая по выключателям.

– Чисто, заходи.

Так, в первую очередь – деньги. На них, если что, можно купить все остальное. Потом – белье, свитер, косметичка с ходовыми лекарствами типа анальгина и но-шпы... косметика из ванной... зонтик из коридора...

Саня наблюдал за моими метаниями, рассеянно поедая мюсли, прямо щепотью из пакета. Кривился, но жевал. Видно, сверхполезная смесь орехов и хлопьев вызывала у него ностальгические воспоминания о сухом пайке.

– Бери не больше, чем сможешь унести, – напомнил он. – Я за тобой торбы таскать не буду.

– Сама знаю, – уязвленно огрызнулась я. Серафим часто отправлял меня в командировки в область, и я успела убедиться, что все необходимые человеку вещи прекрасно умещаются в небольшой спортивной сумке. И то половина остается нераспакованной.

Федька мучился-крепился, но в конце концов не выдержал.

– Куда это ты на ночь глядя? – ворчливо осведомился он из-под шкафа.

Я объяснила. Коротко и эмоционально.

Домовичок тут же выкатился на середину комнаты.

– Ну кто ж так собирается?! Покидала-покидала, паспорт на дно, шампунь на майку, а если протечет, а доставать как? Иди отсюда, сам все упакую! И обувь какую-нибудь подбери – не бросать же тебя, косорукую...

– Откуда он у тебя такой... домовитый? – поинтересовался Саня.

– Федька? – Я с облегчением выпустила полусобранную сумку. Теперь, по крайней мере, не придется терзаться всю дорогу – забыла я зубную щетку или нет. – Из приюта для нежити. Я его вообще-то на передержку взяла, но как-то прижился... В Зеленом Луге частный сектор сносят, дома старые, почти в каждом домовые водятся, а верящих в них людей почти не осталось, не говоря уж о ритуале перевоза в новую квартиру... Вот нам и приходится куда-то их пристраивать. Хотя большинство почему-то отказываются, остаются ждать бульдозера...

– А потом куда?

– Никуда. Когда умирает дом, умирает и домовый, – сухо сообщила я. – Это единственная нежить, неразрывно связанная с человеком и бескорыстно ему помогающая. Федь, кроссовка пойдет? – крикнула я в направлении кухни, откуда доносилось деловитое бречание полок холодильника: домовый паковал снедь, чтобы врагу не досталась.

– Пойдет, – подумав, согласился Федька. – Только в полиэтилен не заворачивай.

– На кой она вам? – удивился мужик.

– Домовой не может покинуть дом самостоятельно, – раздраженно пояснила я, роясь в шкафу. – Его можно только унести, в хозяйской разношенной обуви.

Желательно в лично сплетенных лаптях, но не могу же я неделю ходить в них на работу!

– Кроссовки ты лучше надень, – угрюмо велел Саня, носком ботинка подпихивая ко мне вторую «найку». – А с собой крейсер возьми.

– Чего? – опешила я. – А! Дурак, эти туфли лодочками называются.

– Лодочки – это тридцать пять и меньше. А у тебя тут настоящие эсминцы... типа «Эрли берк».

– Я всего-то тридцать седьмой ношу, нормальный женский размер!

– Ладно, типа «семерка-у». Шевелись давай!

Федька волоком притащил с кухни набитую авоську и вопросительно уставился на меня. Я вздохнула, демонстративно положила туфлю на пороге и заунывно, чувствуя себя полной идиоткой, затянула положенный наговор: – Домовой-батюшка, запечный хозяин, пойдем со мной в новый дом...

– Ну ты бы еще в нее плюнула, – неодобрительно буркнул Федька, но в туфлю юркнул.

Я запихала ее в сумку и застегнула молнию.

– Все, я готова. А куда мы поедем?

– Увидишь. – Саня «торбу» все-таки взял, вскинул на плечо. – Как только «хвост» сбросим.

#

– Зеркальце дай.

– Зачем? – подозрительно спросила Лена, на всякий случай прижав к груди сумочку, видимо, таившую в замшевых потрохах затребованный мной предмет.

Я устало вздохнул. Не знаю, как справлялся с фифой Серафим Петрович... по мне, так любой нормальный командир, заполучивший Леночку в подчиненные, максимум через неделю совершил бы либо убийство, либо самоубийство. Выдержавший же месяц – убийство в особо жестокой форме, с отягощающими... ну и так далее.

– Днище осматриваю.

– Бомбу искать будешь? – Вздвогнув, блондинка принялась лихорадочно перерывать сумочку. – Вот... пудреница подойдет?

– Сгодится.

На самом деле в бомбу под капотом я не верил. Добыть-то ее несложно – с полигона летунов, считай, каждый месяц утаскивают пяток неразорвавшихся ракет. Взять какую-нибудь С-8КОМ – почти кило популярного в народе гексогена плюс готовая насечка, – и даже в бронированном по самые фары «мерине» вряд ли уцелеет живое существо крупнее хомячка. Только надо установить правильно и при этом не подорваться самому – таких умельцев найти куда сложнее, чем лопухов, «сдергивающих» пистолет при выстреле. Хорошая мина, она, как Восток, – дело тонкое, нервных пальцев не любит...

А вот «маячок» особых навыков не требует – прилепил на днище, а потом остается только глядеть на экранчик. Сушная ерунда при нынешнем развитии мобильно-связного дела, как мог бы сказать гражданин О. Бендер, случись ему дожить до сбытия мечты гражданина Корейко.

Конечно, для заглядывания под «гольффик» куда лучше подошел бы фонарик, но в гипермаркете я об этом не подумал, а в квартире у Лены попросту забыл. Впрочем, будь у нее фонарик, не тыкалась бы ключами, как слепой котенок в пузо мамы-кошки.

– Только не разбей.

– Угу, постараюсь.

Нет, даже с зеркалом ни фиги не видно. Чертыхнувшись про себя, я опустил на колени – гуд бай, пижонские штаны, белыми вам уже не бывать! – и обполз машину, ощупывая днище правой рукой. Это что за хня?! Я колупнул подозрительный комочек. А, просто грязь...

– Нашел что-нибудь? – с тревогой осведомились переминавшиеся рядом кроссовки.

– Угу... – промычал я, не став уточнять состав находки. – Нашел... что там чисто.

Это было не совсем так – вернее, совсем не так, и рукав пиджачка служил наглядным тому подтверждением.

– Капот подыми.

Детальное изучение потеков масла наводило на мысль, что данным самодвижущимся агрегатом владеет блондинка – вывод и так очевидный. Хотя я и не великий автомеханик, но все же...

– Здесь тоже порядок, – констатировал я, опуская крышку. Перестарался – несчастный «гольфик» аж подпрыгнул. – Можешь заводить.

– Уверен? – недоверчиво переспросила Леночка.

– На все сто! – соврал я, плюхаясь рядом. Объяснение, что полную уверенность в таком деле может дать лишь саперно-следственная бригада после разборки машины на очень отдельные винтики, – *такое* объяснение было бы сейчас явно не в тему. – Заводи мотор и выруливай.

Леночка, на свою беду, оказалась слишком проницательной, чтобы проникнуться моей фальшивой уверенностью. По крайней мере, ключ она провернула с обреченным видом президента, нажимающего красную кнопку.

Мотор чихнул, прокашлялся и заурчал. Девушка шумно выдохнула.

– Куда ехать?

– Для начала вырули на Орловскую, – велел я, – и езжай по ней. Особо не гони, шестьдесят держи и хватит.

– А потом?

– А потом я скажу куда! – рыкнул я чуть резче, чем стоило.

– Не ори на меня! – огрызнулась Леночка.

– А ты дурацких вопросов не задавай, – угрюмо посоветовал я. – Лучше за дорогой следи.

Судя по кошачьему прищурю блондинки, следующим вертевшимся у нее на языке вопросом было: «Не поторопились ли врачи выписывать меня из госпиталя?» Однако Лена – очко в ее пользу – эмоции свои сдержала и даже с места тронулась не рывком, как в прошлый раз, а вполне плавно.

Как я и ожидал, в воскресную ночь Орловская была практически пуста. За пять минут нас обогнал всего десяток машин, в основном грузовых. Плюс фургончик «скорой» и тройка байкеров – без глушителей на мотоциклах, шлемов на головах и намек на тормоза внутри черепушек.

Напряжение тем не менее нарастало.

– Видишь? – почему-то шепотом спросила Леночка и, не дождавшись моего кивка, ткнула ногтем в стекло заднего вида. – По-моему, это они!

– По-моему, тоже. – Ошибиться было сложно, потому что сейчас позади «гольфика» виднелась лишь одна пара фар. И, насколько мне казалось, маячили эти фары едва ли не с момента нашего выезда со двора. Метрах в трехстах позади, не приближаясь, – а ведь новые, ксеноновые. Вряд ли поставлены на какой-нибудь издыхающий «запор», для которого и полсотни в час – все равно что первая космическая.

– Сейчас убедимся точно. – Мы уже проехали Сурганова и свернули на Черного. – А ну давай влево по Толбухина!

– Ты что, там же одностороннее движение! А вдруг навстречу машина?!

– Значит, на тротуар заедешь!

– А вдруг навстречу пешеход?!

– Ничего, перепрыгнет! – начал терять терпение я.

– Нет, я так не могу! – возопила обескураженная фифа. – Хочешь – сам за руль садись!

– Могу и сесть!

Об этих запальчивых словах я пожалел сразу, но было поздно – Леночка притерла «гольффик» к обочине, бодренько обежала машину и, распахнув мою дверцу, ткнула пальцем в освободившееся водительское кресло:

– Давай!

Если дама о чем-то настойчиво просит, заставляя ее повторять просьбу – моветон. Собственно, напомнил я себе, переползая на соседнее сиденье, сам же этого и хотел. Тем паче что коробка-автомат, а значит – всего две педали, разобраться с которыми особого труда не представляет. Рычажок на «drive» – и вперед!

Мы тронулись. Правда, по сравнению с предпоследними и последними стартами этот сдвиг с места явно заслуживал отдельной награды: мы двинулись не плавно и даже не резким скачком, а целой серией рывков.

– Эй, – с тревогой спросила Лена, – а ты руль когда последний раз видел?

– Руль – давно! – Мимо пронеслась встречная фура. Следующая виднелась далеко, и я решился: нажал на тормоз, принялся быстро-быстро перехватывать баранку – и, к собственному восторгу, сумел-таки при развороте не улететь с шоссе. – А вот штурвал БМП – недавно!

И это было чистой правдой. Ну если не вдаваться в подробности о том, что мехводом я побыл всего два месяца, заменяя больного, и маршрут в эти два месяца был донельзя однообразным. Менялись лишь направления: капонир-окоп или окоп-капонир, а вот расстояние было величиной постоянной и равнялось четырнадцати метрам.

– Чувствуется! – процедила Леночка.

– То ли еще будет! – «ободряюще» заметил я.

В этот момент мы как раз проносились мимо подозрительной тачки. Дальний свет ее водитель и не подумал выключить, поэтому разглядеть сквозь ослепительные потоки удалось немного. Вроде бы мужчина... на черной, сравнительно новой «боевой машине воров».

Я покосился на зеркальце, и подозрения мигом превратились в твердую уверенность: «бумер» повторил только что проделанный мной маневр, наплевав на сплошную разделительную линию кусочками грязи и жженой резины из-под колес.

Ах, так?! Значит, играем в открытую?! Ну ладно – поиграем. Благо как раз мои знакомые места недалеко.

С Толбухина я свернул на Кнорина и следующие десять минут вовсе развлекался, петляя по улочкам, а порой и со свистом проносясь сквозь проходной двор. «Бумер» не отставал, более того – теперь, когда сомнений не было, его водила без труда сократил дистанцию до сотни метров.

– Ты, – развернулся я к Леночке, – хорошо пристегнута?

– Да.

Вид у фифы был весьма несчастный. Видимо, за последние минуты она уже не раз мысленно говорила своему автомобильчику «прощай»! То ли еще будет, ой-ой-ой...

На всякий случай я отодрал правую руку от руля и сам несколько раз дернул за ремень пассажирского сиденья.

– Ай!

Ремень был натянут хорошо, туго... и проходил удачно, между грудями... второй размер, приятная такая упругость и никакого бюстгальтера... ох, на фиг, на фиг сейчас эти мысли!

– Держись!

– Я сейчас кому-то так подержусь! – взвизгнула Леночка, но договорить не успела. Лучи фар «гольффика» высветили край обрыва, черноту за ним... а затем неторопливо начали опускаться вниз.

– Ой! Ой! Ой!

Четыре года назад я почти каждый день поднимался и спускался по этой лестнице. Тогда мне казалось, что ступеньки – маленькие, угол склона – тридцать градусов максимум, да и сама

лестница не такая уж длинная. Сейчас же, летя вниз внутри обезумевшей жестянки, я был ничуть не меньше уверен в том, что лестница протянулась на добрый километр, наклон уж точно не меньше пятидесяти градусов, ну а следующая ступенька непременно подбросит зад «гольфа» так, что мы кувыркнемся через нос.

– Ой! Ой!

Чертова лестница все никак не заканчивалась, и, когда в конце концов чудо все же свершилось, я с трудом в него поверил. «Гольфик» выровнялся; опомнившись, я крутанул руль, выжал газ... мы метнулись вдоль улицы, влетели под арку между домами, затормозили... я вырубил зажигание и, выпрыгнув из машины, принялся осторожно, вдоль стены, подкрадываться к выезду на улицу.

«Бумер» стоял на краю склона, его водитель – черный силуэт на ослепляющем фоне ксеноновых прожекторов, – пригнувшись и уперев руки в колени, внимательно разглядывал ступеньки лихо преодоленной нами лестницы. Похоже, увиденное его не впечатлило – а может, наоборот, впечатлило, – но, постояв минуты две, он выпрямился и отошел от края. Затем до нас донеслись хлопок дверцы и басовитое гудение мотора, вскоре растворившееся в ночи.

– Думаешь, уехал? – услышал я испуганный шепот сзади. Рука сама дернулась ответить, и от перелома носа Леночку спас только ее мелкий рост.

– Ты чего?! – охнула она, с удивительной прытью отскакивая назад.

– А не фиг подкрадываться, – досадливо окрысился я. – Уехал, уехал. И нам надо скорей отсюда уматывать, пока менты не нагрянули.

За домами уже действительно подвывала приближающаяся сирена.

– Только давай дальше я поведу, а? – Леночкин голос жалобно дрогнул.

Я кивнул, чувствуя себя тщательно выжатым лимоном – сил не оставалось даже на разговоры.

Наверное, Леночка испытывала схожие ощущения, потому что следующую фразу я от нее услышал уже за городом.

– А знаешь, Сань... я бы никогда в жизни не решилась съехать с той лестницы.

– Знаешь, Лен, – в тон ей отозвался я, – если бы я знал, на что это будет похоже... тоже бы не решился.

Оставшуюся часть пути мы проделали без особых происшествий – если не считать того, что я умудрился пропустить нужный съезд с магистрали. В результате мы потратили целый час, пытаясь вначале сообразить, куда нас занесло, а потом – как из этой задницы выбраться.

Вторая попытка угадать нужную дорогу оказалась более удачной. Слева мелькнул длинный колхозный коровник, справа – заиленный пруд, и через полкилометра мы под триумфальный плеск лужи въехали в деревню. За два года колдобины на ее единственной улице ничуть не изменились.

Когда по обе стороны дороги встал лес, Леночка занервничала.

– Ну теперь-то мы правильно едем? У меня бензина всего на пятьдесят километров осталось!

– Не бойся, хватит. – Дачи должны были вот-вот показаться из-за пригорка, и я, не удержавшись, зловеще добавил: – Но впритык.

Леночка совсем скисла.

– Давай, заворачивай влево, – скомандовал я пять минут спустя. – Теперь вправо... стоп. Погоди, ворота открыю.

Оставив опешившую блондинку переваривать информацию о счастливом окончании пути, я вылез из машины, развел высокие скрипучие створки и осмотрелся. Как я и ожидал, в бревенчатом двухэтажном домике не светилося ни одного окошка, а на огороженном сеткой участке в девять соток царило запустение. Похоже, сюда в этом году вообще не ездили.

LSO² из меня не очень, но активным рукомашеством мне удалось заманить «гольфик» под гостеприимные своды ветхого сарайчика без дверей, где уже стоял проржавевший скелет «москвича» на кирпичных подпорках.

– Какой кошмарный день, – картинно упав на руль, простонала Леночка. – Сил больше нет... засыпаю... то есть умираю... закопайте меня прямо здесь...

– Вообще-то в доме имеется кровать, – вкрадчиво сообщил я. – Тебя донести?

– Сама дойду! – отрезала «умирающая», резво – и откуда только силы взялись? – выпрыгивая из машины. – И учти, спать на этой кровати я буду одна!

– Да я и не претендую, – усмехнулся я, подходя к двери дома с универсальной отмычкой всех времен и народов – прихваченной в сарайчике фомкой. – У меня этой ночью и так есть с чем по... заняться половой жизнью.

Замок жалобно хрустнул и зазвенел по крыльцу.

Оскорбленная – не то моим хамством, не то самим фактом отказа – Леночка с гордо поднятой головой удалилась в указанном мною направлении: вверх по лестнице и налево. Ну или направо, там были две жилые комнаты.

Я сплюнул ей вслед и пошел доставать из машины сумки.

² (Landing Signal Officer) – руководитель визуальной посадки на американских авианосцах.

Глава 4

На мужчинах природа не то отдыхает, не то издевается...

Л.

С женщинами как с минами – чуть ошибся, и сразу взрываются!

С.

#

Не знаю, во сколько лег Саня (и ложился ли вообще), но, когда я проснулась и спустилась на первый, хозяйственный, этаж, за запертой дверью ванной уже шумела вода. Пришлось умываться и чистить зубы над кухонной раковиной.

Следы мужского присутствия виднелись буквально повсюду. В пепельнице скопилось столько окурков, словно мужчина забавы ради поджигал сигареты и укладывал их тлеть на край стола; простой курильщик от такого количества откинул бы копыта на пару с пресловутой лошастью. На табуретке, в тусклой россыпи металлической пыли, лежала гнутая ножовка – так вот что за мерзкие звуки полночи не давали мне заснуть! – а под ней, в куче уже деревянных опилок, валялся обрезок какой-то стальной трубки. На подоконнике стояла пустая бутылка из-под «Nestle», увенчанная грязным носком. Его собрата я аккуратно, ногтем мизинца спихнула с края раковины.

Господи, чем же он тут занимался?!

Мне тоже не удалось толком отдохнуть: в доме было полно мышей, которые хоть и не пытались заживо меня обглодать, но устроили психическую атаку, скребясь и пища во всех щелях. Настоящий кот быстро навел бы тут порядок, но Федька относился к своим запечным соседям более трепетно. Он, правда, поймал пару штук и выпустил в окошко, однако они тут же вернулись с подкреплением, и я цыкнула на домового, чтобы перестал хлопать форточкой.

К тому же я долго не могла решить, что делать с дверью. Запереть? А вдруг в окно влезет убийца и Саня не сможет прийти ко мне на помощь?! Оставить открытой? А кто тогда спасет меня от Сани?! В итоге я все-таки предпочла позор смерти, но душевного равновесия это не прибавило.

Плюс ко всему (и минус к настроению), в дачном домишке было сыро и холодно, найденных пледов еле-еле хватило продержаться до восхода солнца.

Я проверила плиту – газ есть, шипит. Значит, можно выпить чего-нибудь горячего, на худой конец просто кипяточка.

Порывшись в шкафчиках, я отыскала банку с молотым кофе – подвыдохшимся, но вполне приличным. На той же полке стояли мятая турка и жестяная коробка с кусковым сахаром. Ну хоть в чем-то повезло...

Я уже переливала напиток в кружку, когда мое блаженное одиночество закончилось.

Трезвый, гладко выбритый и расчесанный Саня так резко отличался от предыдущего варианта, что я вздрогнула от неожиданности – на кухню как будто вошел незнакомый мужик. Да какой там мужик! До меня внезапно дошло, что если Саню выгнали с третьего курса, плюс два года службы, то сейчас ему всего двадцать один – двадцать два. Причем выглядел он еще моложе.

– А мне что-нибудь осталось? – Голос был тот же, низкий и хриловатый, как у сорокалетнего. И взгляд: постоянно сосредоточенный и настороженный, словно в ожидании подвоха от любого из окружающих предметов.

– Бери, я еще сделаю, – широким жестом предложила я, тщетно пытаюсь понять, что за резкий химический запах сопровождает каждое Санино движение. Не то бензин, не то ацетон, мерзость редкостная.

– Угу, – парень сцапал кружку за ручку и с ходу отхлебнул. – Спасибо.

– Не за что, – покривила душой я. Кофе был моим единственным кулинарным талантом – Федька презирал «эту заморскую бурду» и принципиально не касался турки.

Лохматый кот, незаметно образовавшийся на верху шкафчика, неодобрительно чихнул.

– А тебе никто и не предлагает. – Я снова подожгла газ. – И вообще, мог бы нормальный завтрак приготовить.

– К твоему сведению, – Федька сердито вильнул хвостом, – я домовой, а не домработница.

– То есть ты еще дуешься?

Кот демонстративно задрал заднюю лапу и начал вылизываться. Я в несколько натянутом молчании доварила кофе и уселась напротив Сани. Тот как раз прикуривал очередную сигарету и, спохватившись, вопросительно глянул на меня из-за прикрывающей огонек ладони:

– Не возражаешь?

Я пожала плечами. Как будто, если я возражу, он ее потушит!

Саня откинулся на спинку стула, с удовольствием затянулся и пыхнул дымом.

– Ну что, теперь-то с тобой можно нормально поговорить?

– Попробуй, – осторожно предложила я, утыкаясь в кружку.

– Лен, ты мне доверяешь?

Вопрос бы сложный, кофе горячий. В чем-то я Сане, конечно, доверяла. Например, если бы мне понадобилось довести до ручки какого-нибудь врага, то у меня не возникло бы и тени сомнений, с кем его познакомить. С другой стороны, при всей своей... контузии на кровавого маньяка Топляков не похож. Так, обычный психопат – но под эту марку треть Минска пересажать можно. Если не половину.

– Пожалуй, – наконец сказала я, справедливо полагая, что полностью знакомить Саню с ходом моих мыслей не стоит.

– Давай тогда прикинем, чем нам сейчас заняться.

Я поперхнулась и бухнула кружку на стол.

– В смысле?!

Парень недоуменно посмотрел на меня и пояснил:

– Ну мы же хотим найти настоящего убийцу, верно?

– Погоди-погоди. – Я протестующе выставила вперед ладони. – Лично я ничего подобного не хочу! Мы от него и так еле удрали. И вообще – пусть его милиция ищет!

– Она и ищет. Нас. Ты что, до конца жизни на этой «фазенде» жить собралась? – Саня глянул в окно на поросшую бурьяном картофельную гряду и с сарказмом добавил: – На натуральном хозяйстве.

Федька как бы между прочим мурлыкнул:

– А в подвале двадцать шесть трехлитровых банок с маринованными огурцами стоит...

Перспектива просидеть взаперти с Саней до весны на диете из огурцов показалась мне немногим лучше вражеской пули.

– И как ты его, спрашивается, будешь искать? Объявление в газету дашь?

– Проведем собственное расследование, – воодушевленно сообщил тот. Я подумала, что если бы убийца увидел нездоровый блеск Саниных глаз, то немедленно сдался бы сам, а то и убился с разбегу о стену. – С чего там его в детективах начинают?

– С осмотра места преступления, – на свою беду ляпнула я.

– Отлично! – Саня затушил сигарету и поднялся. – Поехали на Минское.

– Ни за что! – отчеканила я.

– Тогда давай ключи от машины, – не стал спорить парень.

Я потянулась к карману – но тут меня осенило, что в этом случае я останусь на даче одна. Федька не в счет, домовый никогда не поднимет руку на человека – только голову морочить и может.

Да и Саня в одиночку такого наворотит, что если с утра нам грозила тюремная камера, то к вечеру уголовных статей наберется на электрический стул с последующим четвертованием. К тому же на водохранилище сейчас относительно безопасно – милиция уже уехала, а убийц тянет на место преступления только в бульварных детективах.

– Хорошо-хорошо, поеду! Дай только кофе допить.

Саня удивленно хмыкнул и наконец-то оставил меня в покое. Натянул носки, наполнил освободившуюся бутылку водой из-под крана и отошел к двери, застыв у косяка с таким видом, словно не меня ждал, а в засаде сидел.

Ничего не попишешь, пришлось в темпе опустошать кружку и собираться. Очень надеюсь, что милиция все-таки разрабатывает и другие версии, потому что Санино предложение поиграть в доктора Ватсона (с напарником Мориарти вместо Холмса) по-прежнему казалась мне чистой воды безумием.

Дачный сезон подходил к концу, и разноцветные зады «отдыхающих» уже не оживляли грядочный пейзаж. Правда, вдали виднелся дымок и пахло горящим мусором, но ни звуков, ни голосов оттуда не доносилось.

– Погоди-ка. – Саня, оставляя за собой почти тракторную колею, протопал по бурьяну к середине огорода, установил там бутылку и вернулся к крыльцу.

– Что ты делаешь?

– Сейчас мы кое-что испытаем... – Санина ухмылка мне совершенно не понравилась – и не зря. Продолжая довольно скалиться, он нырнул в сарайчик и почти сразу же вышел обратно, держа в левой руке несколько разноцветных цилиндров, а в правой – жутковатого вида...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.